

РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

№ 2 (13)

2023

*П. Н. Базанов, Р. Р. Вахитов, И. Б. Гаврилов, К. Б. Ермишина,
А. А. Корольков, А. В. Малинов, М. В. Медоваров,
А. А. Тесля, В. А. Фатеев*

Евразийство: pro et contra. К 100-летию выхода сборника «Исход к Востоку». Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет»

УДК 1(470)(091)(049.3)
DOI 10.47132/2588-0276_2023_2_12
EDN YXORII

Аннотация: Публикация представляет собой материалы заочного круглого стола «Евразийство: pro et contra», посвященного 100-летию выхода первого коллективного сборника трудов евразийцев «Исход к Востоку» и продолжающего традицию научных дискуссий, приуроченных к памятным датам из истории русской мысли в рамках деятельности научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет». Обсуждение предваряет краткое вступительное слово главного редактора «Русско-Византийского вестника» И. Б. Гаврилова, далее на его вопросы отвечают ведущие отечественные эксперты, историки русской философской мысли, историки Русского зарубежья, исследователи философских идей евразийства — П. Н. Базанов, Р. Р. Вахитов, К. Б. Ермишина, А. А. Корольков, А. В. Малинов, М. В. Медоваров, А. А. Тесля, В. А. Фатеев. Рассматриваются вопросы возможной преемственности евразийства и славянофильства, связи евразийства с западноевропейской философией первой трети XX в., проблема отношения евразийцев к революции 1917 г., оценивается влияние процесса европеизации на русскую историю и культуру, а также место евразийского движения в истории русской философской мысли. Круглый стол направлен на многосторонний анализ обширного и богатого наследия одного из самых оригинальных направлений отечественной мысли XX в.

Ключевые слова: евразийство, русская религиозная философия, «Исход к Востоку», русская эмиграция.

Об авторах:

Петр Николаевич Базанов

Доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры медиалогии и литературы Санкт-Петербургского государственного института культуры.

E-mail: bazanovpn@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9634-9068>

Рустем Ринатович Вахитов

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Башкирского государственного университета и кафедры философии, истории и социального инжиниринга Уфимского государственного нефтяного технического университета.

E-mail: Rust_R_Vahitov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9161-0899>

Игорь Борисович Гаврилов

Кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии.

E-mail: igo7777@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3307-9774>

Ксения Борисовна Ермишина

Кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына.

E-mail: xenia_ermishina@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-9175-8955>

Александр Аркадьевич Корольков

Доктор философских наук, профессор кафедры философской антропологии и истории философии Института философии человека РГПУ им. А. И. Герцена, академик Российской академии образования.

E-mail: a-korolkov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3385-2587>

Алексей Валерьевич Малинов

Доктор философских наук, профессор, профессор кафедры русской философии и культуры Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: a.v.malinov@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1252-9193>

Максим Викторович Медоваров

Кандидат исторических наук, доцент, доцент Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

E-mail: mmedovarov@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9921-2219>

Андрей Александрович Тесля

Кандидат философских наук, старший научный сотрудник ИГН БФУ им. И. Канта, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли ИГН БФУ им. И. Канта (г. Калининград).

E-mail: mestr81@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2437-5002>

Валерий Александрович Фатеев

Кандидат филологических наук, член редколлегии издательства «Росток».

E-mail: vfateyev@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0279-2542>

Для цитирования: Базанов П. Н., Вахитов Р. Р., Гаврилов И. Б., Ермишина К. Б., Корольков А. А., Малинов А. В., Медоваров М. В., Тесля А. А., Фатеев В. А. Евразийство: pro et contra. К 100-летию выхода сборника «Исход к Востоку». Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет» // Русско-Византийский вестник. 2023. № 2 (13). С. 12–52.

RUSSIAN-BYZANTINE HERALD

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 2 (13)

2023

*Petr N. Bazanov, Rustem R. Vakhitov, Igor B. Gavrilov, Ksenia B. Yermishina,
Alexander A. Korolkov, Alexey V. Malinov, Maksim V. Medovarov,
Andrey A. Teslya, Valery A. Fateyev*

Eurasianism: pro et contra. To the 100th anniversary of the publication of the collection “Exodus to the East”. Materials of the round table of the scientific project of the SPbDA Publishing House “Byzantine Cabinet”

UDC 1(470)(091)(049.3)
DOI 10.47132/2588-0276_2023_2_13
EDN YXORII

Abstract: The publication is the materials of the correspondence round table “Eurasianism: pro et contra”, dedicated to the 100th anniversary of the publication of the first collective collection of works of the Eurasians “Exodus to the East” and continuing the tradition of scientific discussions dedicated to memorable dates from the history of Russian thought within the framework of the scientific project of the Publishing House SPbDA “Byzantine Cabinet”. The discussion is preceded by a short introductory speech by the editor-in-chief of the Russian-Byzantine Bulletin I. B. Gavrilov, then leading domestic experts, historians of Russian philosophical thought, historians of the Russian diaspora, researchers of the philosophical ideas of Eurasianism – P. N. Bazanov, R. R. Vakhitov, K. B. Ermishina, A. A. Korolkov, A. V. Malinov, M. V. Medovarov, A. A. Teslya, V. A. Fateev. The issues of the possible continuity of Eurasianism and Slavophilism, the connection of Eurasianism with the Western European philosophy of the first third of the 20th century, the problem of the attitude of Eurasians to the revolution of 1917 are considered, the influence of the Europeanization process on Russian history and culture is assessed, as well as the place of the Eurasian movement in the history of Russian philosophical thought. The round table is aimed at a multilateral analysis of the vast and rich heritage of one of the most original trends in Russian thought of the 20th century.

Keywords: Eurasianism, Russian religious philosophy, “Exodus to the East”, Russian emigration.

About the authors:

Petr Nikolaevich Bazanov

Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Medialogy and Literature of the St. Petersburg State Institute of Culture.

E-mail: bazanovpn@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9634-9068>

Rustem Rinatovich Vakhitov

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies of the Bashkir State University (Ufa) and the Department of Philosophy, History and Communication of Engineering at the Ufa State Petroleum Technological University.

E-mail: Rust_R_Vahitov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9161-0899>

Igor Borisovich Gavrilov

Candidate of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theology, St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: igo7777@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3307-9774>

Ksenia Borisovna Yermishina

Candidate of Philosophical Sciences, Leading Researcher at the Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad Research Center.

E-mail: xenia_ermishina@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-9175-8955>

Alexander Arkadyevich Korolkov

Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophical Anthropology and History of Philosophy, Institute of Human Philosophy, Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen, Academician of the Russian Academy of Education.

E-mail: a-korolkov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3385-2587>

Alexey Valerievich Malinov

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Russian Philosophy and Culture, St. Petersburg State University.

E-mail: a.v.malinov@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1252-9193>

Maksim Viktorovich Medovarov

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at Lobachevsky Nizhny Novgorod National Research State University.

E-mail: mmedovarov@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9921-2219>

Andrey Alexandrovich Teslya

Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher, Scientific Director of the Center for Research in Russian Thought, Institute of Humanities of Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad).

E-mail: mestr81@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2437-5002>

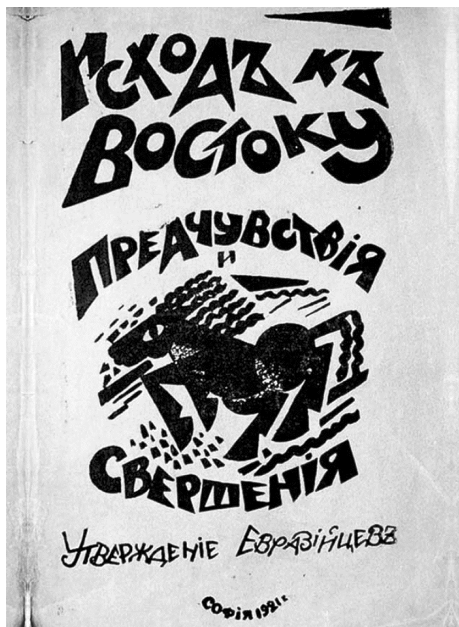
Valery Alexandrovich Fateyev

Candidate of Philological Sciences, Member of the Editorial Board of the Rostok Publishers, St. Petersburg.

E-mail: vfateyev@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0279-2542>

For citation: Bazanov P. N., Vakhitov R. R., Gavrilov I. B., Yermishina K. B., Korolkov A. A., Malinov A. V., Medovarov M. V., Teslya A. A., Fateyev V. A. Eurasianism: pro et contra. To the 100th anniversary of the publication of the collection "Exodus to the East". Materials of the round table of the scientific project of the SPbDA Publishing House "Byzantine Cabinet". *Russian-Byzantine Herald*, 2023, no. 2 (13), pp. 12–52.

Титульный лист сборника
«Исход к Востоку», София, 1921 г.

И. Б. Гаврилов: В августе 1921 г. в Софии вышел в свет сборник статей «Исход к Востоку: Предчувствия и свершения: Утверждение евразийцев. Кн. 1», 100-летний юбилей которого побуждает обратиться к анализу ярчайшего направления религиозно-философского мысли Русского зарубежья — евразийства¹. Настоящий заочный круглый стол «Евразийство: pro et contra» продолжает уже многолетнюю для журнала «Русско-Византийский вестник» традицию проведения научных дискуссий, приуроченных к памятным вехам в истории русской религиозно-философской мысли².

Сборник «Исход к Востоку» стал первым коллективным манифестом нового течения русской мысли. Его авторами, «отцами-основателями» и теоретиками евразийства выступили четверо талантливых интеллектуалов — представители молодого поколения русской эмиграции, получившие прекрасное классическое образование в императорской России.

В частности, — князь Николай Сергеевич Трубецкой (1890–1938), потомок древнего аристократического рода, восходящего к Ге-

димину, сын крупного философа-идеалиста, профессора и ректора Московского университета князя С. Н. Трубецкого, племянник философа и правоведа князя Е. Н. Трубецкого, лингвист, славист, теоретик структурализма, активный деятель Московского лингвистического кружка (1915–1924), один из идеологов и основателей Пражской фонологической школы (с 1926 г.), профессор кафедры языкознания в Венском университете (1923–1938), автор классической работы «Европа и человечество» (1920),

¹ «Русско-Византийский вестник» и ранее затрагивал тему евразийства. См.: *Медоваров М. В.* В. П. Никитин и его место в евразийском движении // *Русско-Византийский вестник*. 2021. № 4 (7). С. 57–74; *Его же.* Статья Клавдии Флоровской «Леонтьев как предшественник евразийства» // *Русско-Византийский вестник*. 2021. № 4 (7). С. 137–152; *Его же.* Место евразийских статей Л. П. Карсавина в его творческом наследии // *Русско-Византийский вестник*. 2023. № 2 (13). С. 127–153.

² См.: *Иванов И., свящ., Гаврилов И. Б., Титаренко С. Д., Титаренко Е. М., Сокурова О. Б., Маркидонов А. В.* Вячеслав Иванов: поэт, философ, христианин. К 70-летию со дня кончины. Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет» // *Русско-Византийский вестник*. 2020. № 1 (3). С. 338–355; *Хондзинский П., прот. Костромин К., прот., Легеев М., свящ., Иванов И., свящ., Оболевич Т. С., Маркидонов А. В., Фатеев В. А., Гаврилов И. Б., Медоваров М. В., Тесля А. А.* Наследие прот. Георгия Флоровского (1893–1979): pro et contra. Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет» к 40-летию кончины выдающегося православного мыслителя // *Русско-Византийский вестник*. 2021. № 1 (4). С. 156–175; *Белукова В. Б., Гаврилов И. Б., Захарова В. Т., Иванов И., свящ., Любомудров А. М., Пак Н. И.* «Истинная Россия есть страна милости, а не ненависти». Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет» к 50-летию кончины классика литературы Русского зарубежья Бориса Константиновича Зайцева (1881–1972) // *Русско-Византийский вестник*. 2021. № 4 (7). С. 154–166; *Хондзинский П., прот., Павлюченков Н. Н., Медоваров М. В., Гаврилов И. Б.* Религиозно-философское наследие священника Павла Флоренского (1882–1937): pro et contra. Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет». К 140-летию со дня рождения и 85-летию со дня трагической кончины выдающегося русского мыслителя // *Русско-Византийский вестник*. 2023. № 1 (12). С. 24–50.

признанной своеобразным катехизисом евразийства (по выражению В. Я. Пашенко). В сборнике «Исход к Востоку» Трубецкой выступил автором двух статей — «Об истинном и ложном национализме» и «Верхи и низы русской культуры (Этническая база русской культуры)».

В письме от 7 марта 1921 г. Трубецкой выделяет наиболее значимые положения книги: «Существенное в книге — это отвержение эгоцентризма и „эксцентризма“ (полагания центра вне себя, в данном случае — на Западе). И главное требование, вытекающее из этого, единственный возможный выход (точнее: направление к выходу) мною указан: это революция в сознании, в мировоззрении не романо-германских народов. Без этой революции никакой выход невозможен»³. Трубецкой трактует народы как «многочеловеческие личности». В письме к П. П. Сувчинскому от 30 ноября 1925 г. Трубецкой раскрывает сущность России-Евразии как единой многосоставной симфонической личности: «Россию-Евразию мы мыслим именно так, ибо исходим из убеждения, что между разными народами, ее населяющими, существует внутреннее духовное родство, позволяющее им объединиться в одну хоровую личность»⁴.

Второй не менее значимой фигурой среди создателей движения был Петр Николаевич Савицкий (1895–1965), представитель известного с XVII в. старинного малороссийского дворянского рода, географ, экономист, чьи политические взгляды изначально сформировались под влиянием партии кадетов и ее идеологов П. Б. Струве и В. И. Вернадского, товарищ министра иностранных дел в правительствах А. И. Деникина и П. Н. Врангеля, а затем — приват-доцент русского юридического факультета в Праге, разработчик концепции России как особого мира и особой среды жизни с экономической и географической точек зрения. Видел в евразийстве научную систему россиеведения. Савицкого принято считать политическим лидером и организатором евразийского движения (евразийцем № 1, по оценке А. Г. Дугина), крупнейшим геополитиком евразийства⁵. После взятия советскими войсками Праги в 1945 г. он был арестован, вывезен в СССР и приговорен к десяти годам лагерей за антисоветскую деятельность⁶. В сборнике «Исход к Востоку» Савицкому принадлежат три статьи: «Поворот к Востоку», «Миграция культуры», «Континент и океан (Россия и мировой рынок)».

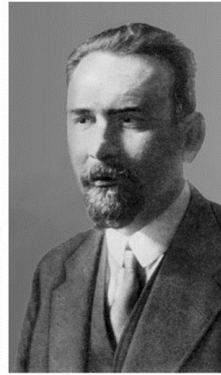
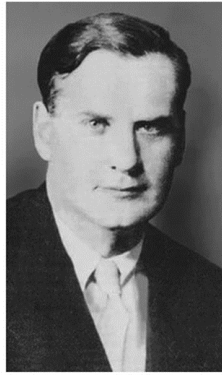
Третий участник сборника — Петр Петрович Сувчинский (граф Шелига-Сувчинский, 1892–1985), малороссийский дворянин, музыковед, литературный и музыкальный критик, искусствовед, философ, культуролог, пианист, педагог, публицист, издатель, меценат. После окончания Тенишевского училища закончил Петербургский университет, где изучал историю, учился в Петербургской консерватории, брал уроки фортепиано и вокала, готовился стать оперным певцом, был близок к художественному объединению «Мир искусства». Осенью 1919 г. Сувчинский создал в Софии «Российско-болгарское книгоиздательство», в котором вышла первая книга

³ Письма и заметки Н. С. Трубецкого. М., 2004. С. 12–13.

⁴ Трубецкой Н. С. Письма к П. П. Сувчинскому. М., 2008. С. 156–157.

⁵ Савицкий полагал, что основная борьба в Европе происходит между морскими державами атлантического побережья и континентальными государствами: «Устанавливая связь исторических факторов с географическими (которая отнюдь не сводится, однако, к односторонней зависимости первых от вторых), евразийцы являются обоснователями в русской науке геополитического подхода к русской истории» (Савицкий П. Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. С. 126).

⁶ В лагере вместе с Савицким сидел искусствовед М. А. Гуковский, который дал адрес Савицкого молодому историку Л. Н. Гумилеву. Таким образом между двумя кочевниковедами, как оба они называли свое увлечение, начинается активная переписка, обмен идеями. Их личная встреча произошла летом 1966 г. в Праге, куда Л. Н. Гумилев прибыл для участия в международном археологическом конгрессе. За год до своей смерти П. Н. Савицкий благословил своего молодого коллегу такими поэтическими строчками: «Великий Лев! Иди дорогой света, И пусть на многия и творческие лета, Успех ведет тебя по трудному пути!» Именно Л. Н. Гумилев стал главным выразителем идей евразийства в последующий период. В одном из своих последних интервью Л. Н. Гумилев заявил: «Знаю одно и скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство».

Участники сборника «Исход к Востоку» (слева направо):
П. Н. Савицкий, П. П. Сувчинский, Н. С. Трубецкой, Г. В. Флоровский

евразийцев — «Европа и человечество» кн. Н. С. Трубецкого. Вторым браком был женат на Марианне Карсавиной, средней дочери философа Л. П. Карсавина, которого смог привлечь к движению. В конце 1920-х гг. Сувчинский сыграл решающую роль в возникновении «кламарского раскола»⁷ в евразийстве⁸, а в 1930-е гг. отошел от движения и занимался исключительно музыкой. В сборнике «Исход к Востоку» размещены две его статьи — «Сила слабых» и «Эпохи веры». Среди основателей евразийства занимал наиболее левую позицию и стремился к распространению идей евразийства в советской России. «И мечом, и политикой Россию не освободить, — писал П. Сувчинский в 1922 г. — Она победит свой плен и, может быть, плен всего мира внутренним ростом и вдохновением своих культурных сил»⁹.

И, наконец, четвертым и наиболее известным в дальнейшем участником сборника был Георгий Васильевич Флоровский (1893–1979), выходец из духовного сословия, сын одесского протоиерея, православный богослов, философ и историк, впоследствии — протоиерей, профессор Свято-Сергиевского богословского института, профессор и декан Свято-Владимирской духовной семинарии в Нью-Йорке, профессор

⁷ Еще один видный деятель евразийства В. Н. Ильин в письме к Р. фон Вальтеру от 29 января 1929 г. писал: «Петр Петрович Сувчинский, фактический диктатор евразийства, не только воспринял левизну социальной установки, но стал явно охладевать к Церкви, к религии, к богословию — заменяя их приятием марксизма и коммунизма — не только в их проблематике, но и в решениях» (Цит. по: *Клементьев А. К. Материалы к истории деятельности Л. П. Карсавина в Евразийской организации (1924–1929 гг.)* // Вестник ЕДС. 2021. № 36. С. 433).

⁸ В статье 1929 г. «Рах Eurasiana» Сувчинский писал: «Русская революция отчетливо определила Россию как самодовлеющий евразийский мир... Россия может и должна быть в системе мировых сил лишь аналогом Соединенных Штатов, что может быть достигнуто осознанием и укреплением трех основных моментов русского исторического и современного типа. Эти моменты могут быть сформулированы следующим образом: первичная религиозно-культурная субстанция русско-евразийских народов; революция как совокупность идей и процессов, приведших к созданию современного типа России, и система следствий революции, выражающаяся формально в советском федерализме и экономическом этатизме» (*Сувчинский П. П. Рах Eurasiana* // Евразия. 1929. № 10. С. 2).

⁹ *Сувчинский П. П. Вечный устоя* // На путях (Утверждение евразийцев. Кн. 2). Москва-Берлин, 1922. С. 127. Парижский эмигрантский журнал «Возрождение» поместил следующую его характеристику, относящуюся к концу 1920-х гг.: «Он — типичный эстет-лодырь, самовлюбленный до конца. Евразийство для него — средство, которое дает ему возможность хорошо жить, ездить отдыхать на берег океана, проводить время в праздном бездельи... По своему складу он — эстет с головы до ног. Сомневаюсь, чтобы он стал распинаться за евразийство... Все-таки он столп и апостол этого течения, о котором все говорят, и о котором он говорит с видом скачущего сноба» (*Л. Б.* // *Возрождение*. Париж, 1953. № 30. С. 126).

Гарвардского и Принстонского университетов, автор концепции «неопатристического синтеза» («Вперед — к Отцам!»)¹⁰.

В сборнике «Исход к Востоку» были опубликованы три его статьи: «Разрывы и связи», «Хитрость разума», «О народах не-исторических». Однако впоследствии Флоровский выступил против политизации евразийства. Смысл своего «предметного отклонения от „евразийства“» он сформулировал в письме к Н. С. Трубецкому в 1924 г.: «Культура должна *расти* из Церкви... Запад есть латино-протест[антская] „страна“ и в *этом* качестве подлежит преодолению — *религиозному*. Россия есть *религиозная* задача. Отсюда вовсе не следует, что не надо строить культуру. Но культуру надо строить религиозно. И если я „возражаю“ евразийцам, сам будучи одним из них, то потому, что вижу в них поползновение... уйти в мирское делание... Недопустимо оставаться бессознательными, „кустарными“ православными. Нужно пережить, вчувствовать прав[ославное] прошлое — Виз[антийское] и Русское, — почувствовать русскую судьбу, как прав[ославную] судьбу — иначе неизбежно впадаете в маниловщину или ноздревщину»¹¹. В знаменитой статье 1928 г. «Евразийский соблазн» Флоровский окончательно отрекается от евразийства и дает его глубокую критику: «Судьба евразийства — история духовной неудачи... Сложную и трудную задачу религиозно-творческого возрождения евразийцы разменяли на суетные идеологические упражнения...»¹²

В предисловии к сборнику «Исход к Востоку» вводится понятие «евразийцы»: «Русские люди и люди народов „Российского мира“ не суть ни европейцы, ни азиаты. Сливаясь с родною и окружающею нас стихией культуры и жизни, мы не стыдимся признать себя — евразийцами»¹³.

Н. С. Трубецкой своим письмом Р. О. Якобсону, говоря о сборнике, отмечал, что «сущность его состоит в нащупывании и прокладывании путей для некоторого нового направления, которое мы обозначаем термином „евразийство“, м.б. и не очень удачным, но бывающим в глаза, вызывающим, а потому — подходящим для агитационных целей»¹⁴.

Это издание, включавшее статьи по русской истории, культуре и духовной традиции, заявило ясную концепцию «России-Евразии», в которой Россия понималась как особый этногеографический мир и этнокультурный тип, чуждый западному «романо-германскому» типу, но родственному восточному «туранскому». Авторы оказались едины во мнении о том, что Запад, как и императорская Россия, «исчерпали свои исторические возможности; Мировая война и революция открывают собой новую эпоху, в которую мировое лидерство должно перейти именно к Евразии»¹⁵.

Еще в 1920-е гг., в эпоху расцвета классического евразийства, это идейное движение вызывало множество противоречивых отзывов и оценок в среде русской эмиграции — от восторженного приятия до абсолютного отрицания. Благодаря активной научной и публицистической деятельности наследника идей П. Н. Савицкого и Г. В. Вернадского, «последнего евразийца» Л. Н. Гумилева, на рубеже 1980–1990-х гг. в российском обществе формируется устойчивое внимание к идеям евразийства. Можно говорить о том, что за последние три десятилетия происходит неуклонный рост интереса к политическим, научным и философским теориям данного направления¹⁶.

¹⁰ См., напр.: *Гаврилов И. Б.* Протоиерей Георгий Флоровский как православный мыслитель и свидетель Церкви // *Верующий разум.* 2013. № 1. С. 43–72; *Богословие истории в XX веке: Восток и Запад: монография / Под общ. ред. свящ. Михаила Леевеева.* СПб.: Изд-во СПбДА, 2023. С. 111–139.

¹¹ Письма Г. В. Флоровского 1922–1924 гг. // *История философии.* 2002. № 9. С. 169–171.

¹² *Флоровский Г. В.* Из прошлого русской мысли. С. 311, 323.

¹³ Вступление // *Исход к Востоку: Предчувствия и свершения: Утверждение евразийцев.* София, 1921. С. VII.

¹⁴ *Трубецкой Н. С.* Письма и заметки Трубецкого. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 21.

¹⁵ *Хоружий С. С.* Богословие в рассеянии: философия и панорама процесса // *Русское зарубежье.* 2011. № 1. С. 67.

¹⁶ Об этом свидетельствует и большое количество научных работ, в том числе диссертационных исследований, связанных с осмыслением феномена евразийства: *Антощенко А. В.* «Евразия» или «Святая Русь»? Российские эмигранты «первой волны» в поисках исторического

Настоящий круглый стол направлен на научное исследование идей евразийства как самобытного течения отечественной философской мысли и призван способствовать дальнейшему развитию изучения богатейшего и многогранного наследия евразийцев.

* * *

1. Евразийство как религиозно-философский и культурно-исторический феномен

И. Б. Гаврилов: *Является ли, по Вашему мнению, евразийство целостным религиозно-философским и культурно-историческим феноменом?*

П. Н. Базанов: Нет. Уже в 1920-е гг. евразийство распалось на множество направлений — левое (группа газеты «Евразия»), правое («классическое»), «азийство» (Вс. Н. Иванова) и т. д. Далее формировались все новые течения. Например, евразийство Л. Н. Гумилева, не смотря на прямое влияние П. Н. Савицкого и Г. В. Вернадского, с которыми он состоял в многолетней переписке и получал от них евразийские издания 1920–1930-х гг.¹⁷ (см. диссертацию историка А. К. Вороновича), из-за его теории пассионарности — уже новый религиозно-философский и культурно-исторический феномен. Постсоветское евразийство порой связано с классическим евразийством Н. С. Трубецкого — П. Н. Савицкого, но только названием. Современное евразийство постепенно превращается в восточный вариант пародийного ультразападничества — мы должны в России все заимствовать с Востока, вплоть до конфуцианства и ислама.

Р. Р. Вахитов: Среди евразийцев практически не было профессиональных философов. Г. В. Флоровский, который в Праге защитил диссертацию по философии истории Герцена, рано покинул движение, да и всегда держался в нем особняком. Л. П. Карсавин пришел уже со своей философией и скорее «прикрывал» ее евразийскими терминами, чем развивал философию евразийства. Из сказанного не следует, что евразийство не имело своего «философского ядра». Но оно было латентно, оно получило в ту эпоху лишь отрывочное и эскизное выражение. Реконструкция его — важнейшая задача для исследователей евразийства.

Что касается целостности классического евразийства, то, безусловно, оно было целостным феноменом. В противоположном случае нельзя было бы говорить о евразийстве, пришлось бы констатировать просто механический набор концепций Трубецкого, Савицкого, Вернадского и т. д. Но как целостная система евразийство его основоположниками развернуто и продумано не было, более того, в нем было множество противоречащих друг другу «линий», споры, расколы.

К. Б. Ермишина: Евразийское движение — один из самых интересных и сложных для изучения, анализа и интерпретации его идей феномен. В самом евразийстве заложен сильный антиномичный момент: «Евразийцы не боятся противоречий.

самосознания: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.09. СПб., 2003. 432 с.; *Ермишина К. Б.* Образ Древней Руси в историософии русской эмиграции XX в.: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.03. М., 2007. 191 с.; *Вахитов Р. Р.* Болгарский фон евразийства: на перекрестках интеллектуальных судеб // Христианское чтение. 2017. № 1. С. 417–427; *Его же.* Два чуда при рождении мифа евразийства // Христианское чтение. 2021. № 2. С. 206–215; *Ермишина К. Б.* Сто лет евразийской идее: обзор современных исследовательских подходов к изучению евразийства // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2022. № 11. С. 369–385; *Вахитов Р. Р., Родионова А. Е.* Библейские метафоры и символы в евразийских статьях П. Н. Савицкого (1921–1922) // Христианское чтение. 2023. № 1. С. 254–266.

¹⁷ См.: *Воронович А. В.* Материалы личного архива Л. Н. Гумилева как исторический источник: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.09. Санкт-Петербург, 2011. 383 с.

Они знают, что из них соткана жизнь. Евразийцы живут в противопоставлениях. В своей системе они совмещают традицию и революцию»¹⁸. Внутри самого евразийства существовали очень разные точки зрения по ключевым вопросам: Россия и Запад, теория личности, роль Украины в истории России, мнение о том, является ли империя и империализм благом или злом и т. д. Классическое евразийство предложило три концепции взаимоотношений России и Европы (западного мира): Россия как новая Европа (П. П. Сувчинский), непримиримое противостояние с Европой (Н. С. Трубецкой), Россия как успешный конкурент Европы и США (П. Н. Савицкий). С приходом в евразийство Л. П. Карсавина начались споры вокруг понятий «личность», «Церковь», «государство»¹⁹. У Трубецкого была концепция «хоровой» личности, Карсавин предложил концепцию «симфонической» личности. Сувчинский довольно рано приходит к мысли о необходимости создания «своего» направления. Знаком этого стал выход журнала «Версты», который зазвучал диссонансом с классическим евразийством, на что указал Н. С. Трубецкой: «Но что в этом номере „Верст“ хуже всего и прямо ужасно, — так это, простите, Петр Петрович, „Апокалипсис“ Розанова и Ваше предисловие к нему. Зачем Вы это напечатали? <...> Я просто не знаю, как и что мне отвечать, когда кто-нибудь будет обращаться ко мне с недоуменными вопросами по этому поводу. Во всяком случае, своего вполне и резко отрицательного отношения к Розанову я скрывать не могу и не буду. <...> Ни в „Верстах“, ни в каком-либо другом журнале мы не можем показывать лика слишком несходного с нашим ликом во „Временнике“»²⁰. Журнал «Версты» стал важным маркером, указывающим на формирование нового, «левого» направления внутри евразийства. Газета «Евразия» стала знаком окончательного разрыва между Парижской группой Сувчинского и Пражской группой Савицкого, позицию которого поддержал Трубецкой.

Примеры альтернативных мнений внутри евразийства можно умножить многократно. В связи с этим встает вопрос о возможности рассмотреть евразийство как единый, цельный феномен. Часть исследователей разделяют точку зрения Мартина Байссвенгера, который говорил о существовании евразийства Трубецкого, евразийства Савицкого, Сувчинского и т. д. Р. Р. Вахитов считает нужным рассмотреть евразийство как единый историко-культурный феномен, который объединен внутренними структурами мысли, в частности, в основе евразийства, несмотря на все его противоречия, лежит поиск органической цельности. Я считаю евразийство антиномичным явлением, которое алогически сочетает единое (соборное) и многое (личное, индивидуальное), что соответствует ведущей евразийской концепции — хоровой, или симфонической личности: «Одним из самых важных понятий, лежащих в основе евразийского учения (м<ожет> б<ыть>, даже самым важным) является понятие личности. На этом понятии строятся и философская, и историософская, и социологическая, и политическая стороны евразийства. При этом евразийство значительно углубляет и расширяет понятие личности, оперируя не только с частночеловеческой, но и с многочеловеческой, „симфонической“, личностью»²¹.

Евразийство — это группа мыслителей, которая противопоставила себя русской эмиграции. У евразийцев был ряд исходных идей, объединивших столь разных мыслителей. Общими идеями являются: убеждение в конце прежней эпохи и невозможности вернуться к прежней России и прежнему (до 1914 г.) миропорядку, принятие революции как факта, против которого бессмысленно сражаться, поскольку борьба против революции неизбежно переходит в борьбу против России. Евразийцы объединились на общем понимании того, что западная культура и цивилизация не есть последнее слово в истории человечества: «Мы чтим прошлое и настоящее западноевропейской

¹⁸ Савицкий П. Н. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С. 479.

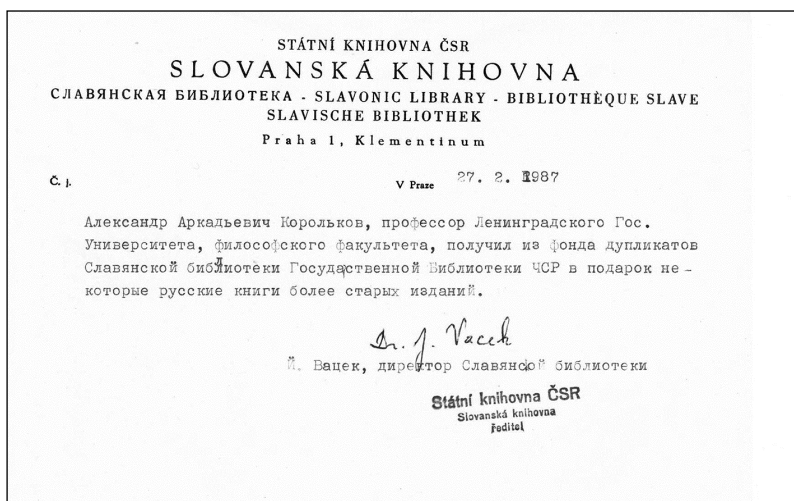
¹⁹ См. публикацию: Степанов Б. Е. Спор евразийцев о церкви, личности и государстве // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2001–2002 г. М., 2002.

²⁰ Трубецкой Н. С. Письма к П. П. Сувчинскому. 1921–1928. М.: Русский путь, 2008. С. 229–230.

²¹ Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 105.

культуры, но не ее мы видим в будущем»²². Евразийцев объединило общее религиозное мировоззрение. Основоположники Г. В. Флоровский и кн. А. А. Ливен примут священный сан, Трубецкой — глубоко верующий человек, староста и благотворитель Венского православного прихода, Савицкий — пламенный христианин, который после освобождения из советских тюрем и лагерей поддерживал переписку с новомучениками, в частности, состоял в дружеской переписке со свт. Афанасием (Сахаровым). Сувчинский был религиозен, но не воцерковлен, тем не менее, выдвинул важнейшие религиозные концепции «бытового исповедничества» и «эпохи веры» (один из источников вдохновения для книги Н. А. Бердяева «Новое средневековье», о чем упомянуто в самой книге). На этих и других общих основаниях евразийцы создали единую историософскую, геополитическую, географическую, этнологическую, философскую, идеократическую концепцию. Единство во многообразии, многоликость и омонимичность (по определению В. Цымбургского) есть существенные признаки евразийства. Оно и многое, и единое, поскольку объединило многих авторов. В этом уникальность и неповторимость евразийства.

А. А. Корольков: С евразийскими текстами довелось мне познакомиться в читальном зале Славянской библиотеки Праги, когда преподавал в 80-х гг. в Братиславском и Карловом (Пражском) университетах. Славянскую библиотеку с 1924 г. называли русской, поскольку формировали ее русские изгнанники и фонды полнились авторскими подарками, порой почти весь тираж попадал в библиотеку. Как-то выписал я трехтомник «Курса русской истории» Е. Ф. Шмурло²³, а библиотекарь через несколько дней сказал, что книги эти могу не возвращать и показал внушительных размеров стопку книг с никогда не разрезанными страницами. Полиграфически издание выглядело ужасно: казалось, это была машинописная рукопись, напечатанная сверхплотно ради экономии бумаги. Тираж книги составлял лишь сто экземпляров и почти все они пылились прямо на полу хранилища. Библиотекарь сразу сказал, что тома могу читать дома, так в мою личную библиотеку попали книги историка, какое-то время входившего в евразийское движение. Уникальный курс русской истории позднее удалось переиздать в Петербурге, красоте томов порадовался бы Евгений Францевич Шмурло²⁴. Из фонда дубликатов библиотека подарила мне перед отъездом из дружественной в те годы Чехословакии еще несколько книг, в том числе евразийских.

²² Савицкий П. Н. Избранное. С. 115.

²³ Шмурло Е. Ф. Курс русской истории: В 3 т. Прага, 1931–1934.

²⁴ Шмурло Е. Ф. Курс русской истории: В 4 т. СПб.: Алетейя, 1999.

В ту пору мне хотелось написать повествование о жизни русских изгнанников в Праге, и как-то на Ольшанском кладбище у могилы историка А. А. Кизеветтера познакомился с его дочерью — естественно, она была уже в серьезных летах, так как приехала в 1922 г. в Чехословацкую республику семнадцатилетней, но памятью обладала прекрасной и ее рассказы помогли мне опубликовать художественно-документальный «Роман небытия». Александр Александрович Кизеветтер оказался одним из самых бескомпромиссных критиков поворота России к Востоку, и его резкие аргументы до сих пор воспроизводятся в сборниках о евразийстве: «Евразийство есть настроение, возмнившее себя системой. В евразийстве настроение поглощает собой все»²⁵.

Если аргументы критиков звучали часто неубедительно и предвзято, то сами попытки евразийцев создать философско-социологическую систему выглядят еще менее убедительно: система без духовного ядра не могла состояться. Скрепки народов Евразии они искали в близости климатической, географической, отчасти — культурной, но не подчеркивали главное — родство духовное, потому-то судьбу России связывали не с православным Востоком, а с Востоком географическим, что легко обнаружить и у пражско-парижских евразийцев, и у «последнего евразийца» — Л. Н. Гумилева.

О целостности и цельности евразийского феномена говорить не приходится: П. Н. Савицкий в 1929 г. заявил определенно, что газета «Евразия» не есть евразийский орган, разногласия в евразийском движении с годами только возрастала. Н. С. Трубецкой, «судья компетентный в определении того, что в идеологическом плане есть и что не есть евразийство»²⁶, увидел опасность включения в евразийство элементов марксизма, федоровства. А ведь газета по замыслу должна была выполнять объединительную миссию...

А. В. Малинов: Специально евразийством мне заниматься не приходилось. Лишь в рамках университетского курса по истории русской философии удавалось выкратить лекцию о евразийстве, преимущественно в версии Н. С. Трубецкого. При чем евразийство рассматривал как явление русской эмиграции, как наиболее интересное и плодотворное учение, возникшее в русской эмиграции, но не как самостоятельный культурно-исторический феномен.

Евразийство выросло из тех споров о причинах русской революции и поражения Белого движения, которые вели эмигранты. Евразийцы давали свои ответы, пусть и сильно отличавшиеся от преобладавших монархических настроений, но все же остававшиеся частью эмигрантской полемики. Полтора десятилетия, в которые укладывается евразийство, — совсем не большой период для философского направления. Они проявили необычайную организационную активность, предложили оригинальную программу: критика европейской цивилизации, новая схема русского исторического процесса, политическое учение, — но она не была реализована, т.е. не нашла отражения ни в политической практике, ни в культуре. Особенно это заметно при сравнении с направлениями, которые можно сблизить с евразийством, — славянофильством и областничеством, идеи которых нашли воплощение в литературе, искусстве, политической деятельности. Евразийству, вероятно, просто не хватило времени для того, чтобы стать полноценным культурно-историческим явлением, а оторванность от «почвы», родной национальной и культурной среды сделало из евразийства модное явление, которое, как всякая мода, преходяще, хотя и может вернуться.

Евразийство остается незавершенным проектом, его последствия еще не до конца ясны, поэтому едва ли можно говорить о какой-то целостности. Еще менее можно говорить о евразийстве как о религиозно-философском явлении. При искренней личной вере многих участников евразийского кружка, само их учение не было религиозно-философским. Религия у евразийцев была подчинена политике, была частью политической идеологии. Политическая же программа евразийцев далеко не во всем

²⁵ Кизеветтер А. А. Евразийство // Мир России — Евразия: Антология. М., 1995. С. 315, 317.

²⁶ Савицкий П. Н. Газета «Евразия» не есть евразийский орган // Мир России — Евразия: Антология. М., 1995. С. 304.

совпадала с тем, что можно считать христианской политикой. В современных реалиях евразийство вообще превращается в политическую мифологию.

М. В. Медоваров: Любое сколь-нибудь организованное течение в истории русской общественной мысли: декабристы, любомудры, славянофилы, народники, а после 1917 г. — сменовеховцы, младороссы, евразийцы и т.д. — представляет собой определенное единство с рядом общих черт, существующих наряду с особенностями отдельных мыслителей, входивших в эти течения. Случай с евразийцами даже более показателен, чем со славянофилами или народниками, ввиду наличия у них на протяжении 15 лет организации со своим руководством, субординацией, «катехизисами» и печатными органами. Иными словами, степень единства евразийцев была существенно более высокой, чем у многих других известных движений в русской истории. Этому не противоречит обычное для любых течений существование как минимум двух «крыльев» внутри движения.

А. А. Тесля: В известном смысле — да, но не в плане согласия в идеях, общего метода и т.д., — а единством, задаваемом местом и временем действия и идеологической интенцией, существующей в начале движения. Говоря несколько архаичным языком, предложенным, впрочем, самим вопросом, — это целостность культурно-исторического феномена, понимая под ним прежде всего «евразийство» начала 1920-х — и последующую логику и распада движения, и дальнейшей судьбы как отдельных идей, так и комплекса евразийских представлений, как они выразились в 1920-е.

Евразийство оказывается созвучным моменту. Не только в силу внешних факторов, но в уловлении существенного интеллектуального запроса, в стремлении выйти за рамки основных уже существующих позиций — дать ответ на вопрос через изменение самой перспективы рассмотрения, т.е. переформулировать сам вопрос — одна из причин как громкого появления (и вовлечения в движение целого ряда интеллектуалов, с очень разным комплексом предшествующих идей — от Бицилли и Флоровского до Карсавина), так и долговременного влияния и сохраняющегося интереса к направлению.

В. А. Фатеев: Хотя евразийством, как и вообще эмигрантской философией, я никогда углубленно не занимался, по моему мнению, при всем многообразии идей и значительных имен, связанных с этим понятием, все же «евразийство» как особый цивилизационный подход можно считать достаточно целостным явлением и даже организационно вполне оформленным идеологическим течением в истории русской эмигрантской мысли. Несмотря на все различия взглядов отдельных представителей этого течения, сборник «Исход к Востоку» (1921) может быть назван манифестом «евразийства». Правда, индивидуальные позиции даже некоторых крупнейших участников этого движения, например, тяготевшего к православному богословствованию Г. В. Флоровского и апологета «философии всеединства» Л. П. Карсавина, существенно отличались от воззрений наиболее характерных, на мой взгляд, выразителей евразийского комплекса идей — Н. С. Трубецкого, П. П. Сувчинского и П. Н. Савицкого.

Флоровский, участвовавший в этом первом сборнике евразийцев и даже, по мнению ряда исследователей, претендовавший вначале на роль лидера движения, позже, в статье «Евразийский соблазн» (1928), как известно, подверг евразийство вполне обоснованной, по моему мнению, критике за присущее евразийцам «морфологическое» отношение к культуре, «религиозный релятивизм» и «крен в Азию». Под исходом к «Востоку» евразийцы видели не акцент на «православный Восток» в отношении к Западу, как у славянофилов, а именно государственно-географический приоритет в трактовке темы России с признанием данности безбожной большевистской власти и одновременно тенденцией к подчеркиванию важной роли азиатского пространства и специфической общности населяющих его народов (несмотря на различие их

верований) в истории Русской Империи. Именно по этой причине евразийство состоялось более как политико-идеологическое объединение, чем религиозно-философское единство. Это и вынудило, собственно, Флоровского покинуть во многом чуждое ему по духу объединение с перекосом в сторону государственно-территориального подхода. Нигилистическое по отношению к традиционной культуре, «азиатское» начало в русской теме получило философское обоснование в евразийстве явно не без влияния еще одного идейного предтечи революционной поры – «скифства», антибуржуазного и антизападнического литературного движения, стихотворным воплощением духа которого стало стихотворение А. А. Блока «Скифы» («Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы, С раскосыми и жадными очами!»). Существенным элементом евразийской идеологии было и нарастающее влияние политической составляющей, вплоть до того, что взгляды некоторых евразийцев стали приобретать черты национал-большевизма. Евразийство претерпело эволюцию от философско-культурологической школы в ранний период до политической организации в 1930-е гг. Деятельность некоторых из евразийцев под влиянием ностальгии и на почве патриотизма даже подпала под контроль советских спецслужб (С. Я. Эфрон). Поразительный пример деградации «левого» евразийства представляет собой и трагическая судьба утонченного идеалиста-мистика и почвенника князя Д. П. Святополк-Мирского (1890–1939), автора написанной в 1920-е гг. блестящей и глубокой «Истории русской литературы». (Эта непревзойденная до сих пор история нашей словесности, на английском языке, с емкими и сжатыми характеристиками русских писателей и мыслителей, была моей настольной книгой с 1960-х гг.) Святополк-Мирский под влиянием идеологии евразийства стал в 1930-е гг. марксистом, вернулся в советскую Россию, писал критические исследования в духе вульгарного марксизма и в конце концов был репрессирован.

Сама по себе идея России как особого целостного самобытного мира между Западом и Востоком не оригинальна и издавна высказывалась на Руси. Но в учении евразийцев, при внешнем сохранении значения религиозного начала, делается иной акцент – на общность исторического развития народов, населяющих определенную территорию, и явно ослабляется идеалистический «византийский» элемент, то есть монархическая и православная составляющие. В результате на первое место выходит попытка политико-географического синтеза внешне отвергнутого европеизма и азиатского географического начала, в котором заметно ослабляется религиозно-философская идея самостоятельного «русского мира». Это скорее обоснование социально-политической идеологии единого общеевразийского государства, государственная политика в большей степени, чем религиозно-философское учение. Противоречия Православия, мусульманства, язычества и других религий с помощью этого учения примирены быть не могут, разве что в их атеистическом «уравнивании» безбожным большевизмом.

Геополитическое учение Л. Н. Гумилева – яркий пример более позднего учения, возникшего под прямым влиянием евразийства. Гумилев рассматривает Евразию как целостную систему народов

Лев Николаевич Гумилев
(1912–1992)

и этнических групп и заявляет о существовании многонационального евразийского «суперэтноса». При всем положительном значении подчеркивания евразийцами, включая Гумилева, чуждости русским европоцентрического мироустройства, в «скифском» проекте присутствуют опасные признаки размывания сущности «русской идеи», перекоса в сторону азиатских корней русского мира.

На эти недостатки евразийства в острой критической форме указал известный культуролог О. А. Платонов (в частности, в его интервью 1992 г. «Русская идеология и „евразийство“»). Он считает, что идеология евразийства стремится принизить значение русского народа во имя неких универсальных принципов, намеренно выхлещивая ядро русской цивилизации. По мнению Платонова, евразийство как теория ненаучна хотя бы потому, что смешивает несоединимые элементы разных цивилизаций, пытаясь создать из них какую-то усредненную цивилизационную систему, которая должна устроить всех. По его мнению, «евразийцы», как и ортодоксальные большевики, ищут в России, прежде всего, государственное начало, не понимая, что оно само по себе есть следствие более глубоких закономерностей национальной жизни. О. А. Платонов утверждает: «Евразийство дезориентирует патриотическое движение, сужает патриотизм до требования державности, создавая иллюзию, что она может осуществляться вне других начал русской жизни или даже вне этих начал опираться на европеизм или ислам. <...> Совершенно неправилен евразийский образ России как какой-то организм с двух головами, глядящих в разные стороны — на Восток и на Запад, — и воспринимающий отсюда свою культуру, — на самом деле Россия смотрит не по сторонам, а в глубь себя, питая свое развитие из внутренних источников. Россия — не мифическая „евразия“, а особая цивилизация, ядро которой составляет русский народ»²⁷.

2. Евразийство как вариант Русской идеи

И. Б. Гаврилов: *Можно ли, на Ваш взгляд, считать философию евразийства наиболее разработанным вариантом Русской идеи?*

П. Н. Базанов: Нет, нельзя. Во-первых, под «Русской идеей» каждый публицист уже двести лет поминает все, что угодно. На мой взгляд, «Русская идея» скорее ближе к славянофильству и почвенничеству, а евразийство — принципиальное новое идеолого-философское учение. Во-вторых, сам термин «Русская идея» подразумевает, что речь идет об идеологии и философии, которая обосновывает принципиальное отличие России от Запада и Востока. Для евразийцев же русский культурно-исторический тип — западный (провинциальный) вид Турана. Критики евразийства еще в 1920-е гг. указывали на подмену имени России на безликое географическое слово «Евразия» (почему не Азиопа? — тогда же спрашивал западник П. Н. Милюков). Идеологов евразийства больше интересовали антиевропоцентризм и влияние восточных элементов на культуру и историю России.

Могу только присоединиться к мнению историка Николая Ивановича Ульянова, высказанному в письме евразийцу В. П. Никитину от 16 сентября 1956 г.: «Я сам не оскорблен и для России не считаю оскорблением рассуждение о нашем туранстве и монголизме. Если бы таковые были, ничего бы в них не усматривал удивительного. Но разговоры эти мне представляются вздорными и ненаучными. Расовый метод изучения исторических особенностей той или иной страны неубедителен для меня. <...> Что касается „Наследия Чингис-Хана“ Н. С. Трубецкого, то рассуждения его, мне кажется, порочны в самой своей основе. Нам незачем искать источников идей защиты земли за пределами Руси, в чужих высказываниях. Эта идея русская, и выразилась она до татарского нашествия. Вспомните „Слово о полку Игореве“, „Повесть временных

²⁷ Платонов О. А. Русская цивилизация. URL: http://www.rspu.ru/articles/belikovy/platon_ruscivil.html (дата обращения: 23.04.2023).

лет“ или „Плач о погибели земли Русской“. Чингис-Хан не мог оставить в наследие того, что не имел сам. Его империя — это натиск, захват, растворение. Понятия обороны не существовало. Русская же военная доктрина всегда была оборонительная, а не наступательная. Вообще, мне не нравится в евразийстве тенденция к бухгалтерскому подсчету восточных и западных элементов в русской истории и в русском обличи. Не лучше ли было заняться изучением своих русских корней? Тогда, быть может, окажется, что на Восток незачем ходить в поисках нашего своеобразия»²⁸.

Р. Р. Вахитов: В. С. Соловьев называл Русской идеей то, что Бог думает о русском народе в вечности. В этом смысле Русская идея во всей ее полноте откроется нам только по ту сторону истории. Если же понимать под Русской идеей мнения русских (и не только русских) философов об историческом предназначении, характере русского народа, смысле русской культуры, то, безусловно, евразийство — важный момент в процессе такого осмысления (и самоосмысления). Многие выводы евразийства, которые поначалу казались эпатажными (возможно, потому что евразийцы в пылу полемики их сами заостряли), теперь в той или иной мере признаются всеми (и надеюсь, приближают нас к искомой истине). Так, сегодня мало кто будет отрицать влияние Востока на русскую культуру, другое дело — оценка этого влияния.

Евразийство несло в себе своеобразный синтез славянофильской и западнической линий. С западниками евразийцев сближал их этатизм, несвойственный славянофилам, зато характерный для западников-историков, создавших «государственную школу» (В. О. Ключевский). Но при всей моей симпатии и даже любви к евразийцам, я бы поостерегся утверждать, что оно — наиболее разработанный и тем более окончательный синтез.

К. Б. Ермишина: Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо сначала понять, что есть «Русская идея». Если принять за рабочую гипотезу, что «Русская идея» есть концепция цивилизационного развития России, то евразийство, безусловно, предложило один из самых продуманных ее вариантов. Есть несколько моделей цивилизационного развития, которые сыграли важную роль в формировании общественно-политического мировоззрения в России, — эсхатологически-теологическая и охранительная, религиозная концепция «Москва — Третий Рим», славянофильская концепция, базирующаяся на идеях славянства, соборности, антигегелевской трактовки истории, борьбе с абсолютизмом за возможность для народа определить свою судьбу на Земском соборе. В XIX в. возник проект западников, потом проект революционный, который победил в 1917 г. В XX–XXI вв. коммунистический проект цивилизационного развития потерпел фиаско, либеральный и глобалистский остались в России маргинальными. Альтернативы евразийству в настоящий момент нет. Важно отметить, что все эти концепции, включая официальную «православие, самодержавие, народность», не ушли в прошлое, но оставили свой след в общественно-политическом сознании, подобно тому, как формируются геологические слои почвы. В определенный момент, особенно в ситуации «обрушения» общественных институтов, какого-либо общего потрясения, на поверхность могут выходить те или иные варианты «Русской идеи».

Тем не менее, евразийство было создано около 100 лет назад, поэтому до конца применить евразийский «рецепт» к текущей ситуации формирующегося многополярного мира невозможно²⁹. Недаром В. Цымбурский попытался «отредактировать» евразийство с помощью идей «Остров Россия» (ранняя версия) и «Земля за Великим Лимитрофом», указав на важнейшую геополитическую реальность, которой не было

²⁸ Письмо Н. И. Ульянова В. П. Никитину от 16 сентября 1956 г. // VAR V. P. Nicitin Papers. Box.1. Files: Переписка Н. И. Ульянова с В. П. Никитиным. Нью-Йорк, 1956–1957. 1 л. об. См. также: *Базанов П. Н.* «Петропольский Тацит» в изгнании: Жизнь и творчество русского историка Николая Ульянова. СПб.: Владимир Даль, 2018. С. 224–225.

²⁹ См. работу неоевразийца Л. В. Савина: *Ordo pluriversalis. Возрождение многополярного мироустройства.* М.: Кислород, 2020.

во времена евразийцев, а именно: пояс «независимых» государств вокруг России. Об опасности образования таких государств говорил в свое время Трубецкой: «<...> либо победит начало демократии, т. е. индивидуалистической атомизации, — и тогда СССР распадется на ряд „независимых“ (на самом деле вассальных, зависимых от разных великих и невеликих держав) республик, <...> либо, наоборот, победит начало идеократии, т. е. целостности, — и тогда государственно-идеологическая организация неизбежно отождествится с ЕА (с евразийством. — К. Е.)»³⁰. Если во времена евразийцев существовала только вероятность распада СССР, в результате чего Россия окажется окруженной поясом государств, которые станут ареной борьбы с Западом и, частично, с Востоком (геополитический проект «Великого Турана» Р. Эрдогана, интерес Китая к ресурсам Дальнего Востока и Сибири, японские претензии на Курильские острова и т. д.), то в конце XX в. это стало реальностью. Поэтому евразийский проект является добротной и хорошо продуманной концепцией цивилизационного развития России, актуальной для XX в. Что касается наших дней, то евразийская версия «Русской идеи» должна быть переосмыслена с учетом современных реалий.

А. А. Корольков: Если и можно считать философию евразийства вариантом разработки Русской идеи, то слишком много в этой разработке необузданного. Увлечшись евразийской идеей, многие ее сторонники почти вывели из своего употребления все слова, говорящие о России, о русскости. Они писали о национальной идее, но это была какая-то собирательная идея державного объединения, отчего некоторые из них видели перспективы Евразии в СССР, — это происходило, разумеется, до реального контакта П. Н. Савицкого и других евразийцев с Лубянкой³¹. Стоит обратить внимание на то, что некоторые евразийцы, хотя и называли себя иногда националистами, «не разделяли воззрения, по которому хранителями национальной идеи являются народные массы; носителем национальных начал, — настаивал один из молодых евразийцев, — должна быть (и нормально была) интеллигенция»³². И все же носителем национальной идеи является народ, интеллигенция же способна стать выразителем национальной идеи, если это — народная интеллигенция, а не элитарно-снобистская группа, всматривающаяся только в себя. Такими выразителями Русской идеи, с моей точки зрения, были в наше время в литературе, например, Василий Шукшин и Валентин Распутин, а в музыке — Георгий Свиридов и Валерий Гаврилин. Может быть, главный урок евразийства состоял в том, чтобы, пройдя через интеллектуальный и духовный соблазн, вернуться к русскому исканию правды, к свету Православия.

И. А. Ильин уловил порок евразийства самим названием полемической статьи — «Самобытность или оригинальничанье?»³³ И с его чеканными фразами трудно не согласиться: «Разве самобытность не в том, чтобы быть перед лицом Божиим самим собой, а не чужим отражением и искажением? Вглубь надо, в себя надо, к Богу надо! Почему же именно в Азию, почему на Восток? Но откуда же известно, что нас погубил Запад, а не наше собственное неумное подражание?»³⁴ И все же в поиске путей духовного обновления России у Ильина и евразийцев больше общего, чем разъединяющего. П. Н. Савицкий в унисон с И. А. Ильиным утверждал: «Более всего должно быть изжито охватившее Европу и Россию обеспокоивание духовной и веростной жизни, проистекшее из утраты живого и действенного религиозного чувства»³⁵.

³⁰ Письма Н. С. Трубецкого к П. Н. Савицкому // *Соболев А. В. О русской философии* СПб., 2008. С. 452.

³¹ *Мухачев Ю. В. Лубянка против евразийцев // Евразийство. Исследования и публикации.* М., 2014. С. 530–551. (Энциклопедия российской эмиграции).

³² *Садовский Я. Д. Оппонентам евразийства (письмо в редакцию) // Евразийский временник.* Кн. 3. Берлин, 1923. С. 159.

³³ *Ильин И. А. Самобытность или оригинальничанье? // Русская мысль.* Париж, 1927. Кн. 1. URL: http://russianway.rhga.ru/upload/main/34_Samobyt.pdf (дата обращения: 23.04.2023).

³⁴ Там же. С. 29.

³⁵ *Савицкий П. Н. Подданство идеи // Евразийский временник.* Берлин. 1923. Кн. 3. С. 15.

Некоторые евразийцы глубоко знали Восток, в том числе Китай, но по внутренней культуре были всегда ближе к Европе и ужаснулись, когда увидели воочию крушение европейской культуры в огне революции. Поворот к Востоку мало чем отличался от западничества, поскольку опять нацелен был не на глубины России, а на заимствование, только с другой стороны света. Даже Н. С. Трубецкой, величайший защитник национальных культур, конструировал историю российского государства как преимущественно «туранскую», или «уралоалтайскую», доходил до утверждений, что «самое объединение почти всей территории современной России под властью одного государства было впервые осуществлено не русскими-славянами, а туранцами-монголами»; странно при этом, что автора не смущала собственная дальнейшая аргументация о том, что «распространение русских на Восток было связано с обрусением целого ряда туранских племен»³⁶.

А. В. Малинов: С понятием «Русская идея» надо обращаться осторожно — из-за его семантической невнятности. Евразийство, безусловно, разрабатывало учение о самобытном культурно-историческом развитии цивилизационного пространства — Евразии. Можно ли это считать вариантом «Русской идеи»? Или евразийство было альтернативой «Русской идеи», поскольку фактически отказывалось от русскости, заменяя ее «многогородной нацией», синтезом славянства и туранства? Евразийцы в целом настаивали на не западном пути развития Евразии, хотя Н. С. Трубецкой был сторонником «экономического западничества». Однако можно ли «Русскую идею» считать антизападничеством? Например, для ранних славянофилов Россия была, скорее, подлинной Европой, сохранившей поруганные на Западе христианские основы культуры. Поздние славянофилы уже прямо говорят об антагонизме России и Европы. Все же идея православной цивилизации, к которой склонялись славянофилы, не была однозначно антизападнической. В. И. Ламанский, в частности, писал о едином арийско-христианском человечестве, хотя и указывал на отличия греко-славянского мира от романо-германского. Для славянофилов, Ф. М. Достоевского, В. С. Соловьева «Русская идея» оставалась христианской, т. е. универсальной, а не национальной. Русское западничество тоже тяготело к универсализму, как в либеральном, так и в радикальном вариантах. Пожалуй, лишь консервативное западничество с программой национально-полицейского государства противостояло вселенскому смыслу «Русской идеи». Евразийство не обладает той степенью христианского универсализма, на который претендует «Русская идея», но оно обращается не только к прошлому, но и к будущему, т. е. пытается сформулировать образ будущего России-Евразии. В этом отношении евразийство, пожалуй, можно назвать утопической версией «Русской идеи».

М. В. Медоваров: Сам термин «Русская идея» является крайне спорным. Его систематически применяли только Владимир Соловьев и Николай Бердяев, эпизодически — еще несколько мыслителей. Ни основные классики русского консерватизма XIX в., которых задним числом стали записывать в глашатаев «Русской идеи», ни евразийцы к такому словосочетанию не прибегали. Данный термин представляется мне неудачным, поскольку он как бы отсекает от русской мысли все течения, которые по разным причинам не укладываются в «Русскую идею». Если же понимать ее расширительно, как любые рассуждения о мировой миссии России, то сюда придется отнести даже некоторых западников, что лишит термин всякой эвристической ценности.

Однако если данный вопрос понимать как проблему места евразийства в истории русской мысли и самосознания вообще, в таком случае можно сказать, что по степени разработанности и широте осмысления фундаментальных черт России как особой цивилизации и месторазвития евразийство в свое время превзошло своих предшественников.

³⁶ Трубецкой Н. С. К проблеме русского самопознания. Париж, 1927. С. 34–35.

А. А. Тесля: Здесь мне затруднительно ответить — уже потому, что не очень понятно, как понимать саму «Русскую идею», какие ее виды выделять (ведь здесь метафора и предмет анализа оказывается выступающим в роли аналитической категории), равно как и определять степень разработанности.

В какой-то мере, действительно, можно сказать, что «евразийство» хорошо разработано — хотя бы потому, что сознательно строится как идеология. И отсюда — специфичность этой «разработанности», поскольку она изначально выстраивается как идеологическая программа, с сознательной манипулятивностью — разграничением того, что говорится, от того, что подразумевается, стремлением формулировать тезисы, которые способствуют вовлечению одних — с тем, чтобы повести их целям, которые подразумеваются идеологами.

И в этом же, на мой взгляд, — изначальная червоточина «евразийства», поскольку в нем, как оно возникает в начале 1920-х гг., отсутствует интеллектуальная честность. Сознание этого скажется и в позднем скептическом отношении к своему детищу кн. Н. С. Трубецкого.

В. А. Фатеев: Думаю, что рассматривать евразийство как некое воплощение «Русской идеи», подобное, например, славянофильству или почвенничеству, а тем более считать философию евразийства «наиболее разработанным» вариантом национальной идеи нельзя, хотя евразийство и является одним из важных боковых ее ответвлений. Это скорее не свободно выработавшийся вариант обширного и не вполне оформившегося религиозно-философского учения, получившего наименование «Русской идеи», а интеллектуальная реакция оказавшихся вне России национально ориентированных мыслителей на радикальное изменение политической ситуации на родине, на искажение коренного мировосприятия русского народа под влиянием катастрофического хода исторических событий и идейной борьбы (влияние революции и большевизма).

3. Евразийство и славянофильство

И. Б. Гаврилов: *Корректно ли, по-Вашему, говорить о каком-либо наследовании и преемственности между евразийством и славянофильством?*

П. Н. Базанов: Некорректно. Кроме общей критики западничества, евразийство и славянофильство — совершенно разные религиозно-философские и культурно-исторические парадигмы. Евразийство — это феномен востокофилии, как бы западничество наоборот. Скорее евразийство ближе к византизму К. Н. Леонтьева, концепции которого ошибочно относят к славянофильству.

Смещение славянофильства и евразийства — традиционная ошибка русской публицистики. Отцом такого мнения был убежденный западник П. Н. Милоков, который в критике азиопейства приписывал евразийству все недостатки «классического славянофильства». С таким же успехом можно и А. Тойнби называть славянофилом, раз на него оказали влияние идеи Н. Я. Данилевского.

Особенно приятно на страницах журнала «Русско-Византийский вестник» дать аналогию с Византией. Кризис православной империи приводил к появлению идеологических прожектов по спасению. Для меня русское западничество — это своеобразный аналог византийского латинофильства, а евразийство — это аналог византийской туркофилии, отказ от Владимира Святого и Александра Невского в пользу Чингисхана и Батыя.

Р. Р. Вахитов: Безусловно, евразийство — наследник традиции славянофилов (включающей в себя первых славянофилов, панславистов-неославянофилов 1860–70-х гг., «разочарованных славянофилов» и «почвенников» конца XIX в. и некоторых «черносотенных консерваторов» начала XX в., которых я бы назвал постславянофилами). С первыми славянофилами евразийцев 1920-х гг. сближала опора на православие, критика буржуазной, материалистической Европы, с неославянофилами — отрицание

общечеловеческой культуры и цивилизации, признание России неевропейской цивилизацией. Скажу больше, мысль о том, что Уральские горы вовсе не разделяют Россию на европейскую и азиатскую, высказывал еще Н. Я. Данилевский; идею существования в Большой Евразии третьего, «среднего» мира, не-Европы и не-Азии высказывал В. И. Ламанский (и Савицкий в статье «Евразийство» прямо на него ссылаясь). Даже сближение России с именем «Евразия» и «евразийское понимание» России «нащупывается» у черносотенца, барона Михаила Фердинандовича фон Таубе еще до революции. Он писал в 1906 году: «Среднему миру сего материка — Славянству, с Россией внутри и с Москвой в средоточии, предстоит связать самостоятельный (эгоистический) деятельный и энергичный (сильный волею) запад Азии (Европу) с обезличенным, усыпленным (апатичным) ее востоком и югом (собственно Азией). <...> Этот связывающий и скрепляющий средний мир должен являться ядром объединения и сплочения всего материка Европо-Азии или Евразии»³⁷.

С другой стороны, у евразийцев были и большие разногласия со школой славянофильства и с отдельными ее представителями, именно поэтому мы говорим о евразийстве как об оригинальном направлении в русской мысли, а не как о простом продолжении славянофильства. Евразийцы впитали некоторые идеи славянофилов, но творчески их переработали, включили их в ткань мировоззрения, которое славянофилы во многом бы не разделили.

К. Б. Ермишина: Вопрос преемственности идей евразийцами от славянофилов является довольно сложным, поскольку у основоположников на этот счет были разные мнения. Н. С. Трубецкой относился к славянофильству отрицательно и подчеркивал независимость от его идей; Савицкий, напротив, говорил о том, что евразийцы являются наследниками славянофилов. Так, например, Трубецкой в письме к Савицкому пишет: «В статье К<изветтера>, по-моему, есть одно хорошее место, это — о призрачности связи евразийства со славянофильством. Это, собственно, вполне правильно, и сам того не подозревая, К<изветтер> тут говорит именно то, что рано или поздно скажем и мы. В будущей статье о славянофилах, которую напишет кто-нибудь из нас, надо будет прямо, ради издевательства, сослаться на это место в статье К<изветтера>»³⁸. Трубецкой полагал глубоко ошибочным мнение славянофилов о славянстве как о связующем элементе, — напротив, он считал, что «Русский литературный язык есть общеславянский элемент в русской культуре и представляет из себя то единственное звено, которое связывает Россию со славянством <...>. „Славянский характер“ или „славянская психика“ — мифы. Каждый славянский народ имеет свой особый психический тип, и по своему национальному характеру поляк также мало похож на болгарина, как швед на грека»³⁹. Поэтому славянофильство он не признавал формой истинного национализма: «В нем нетрудно заметить все три вида ложного национализма <...>. Замечалась всегда и тенденция построить русский национализм по образцу и подобию романо-германского. Благодаря всем этим свойствам, старое славянофильство и должно было неизбежно вырождаться, несмотря на то что отправной точкой его было ощущение самобытности и начало национального самопознания»⁴⁰. К мнению Трубецкого близок Г. В. Флоровский, который в работе «Вечное и преходящее в учении русских славянофилов» подчеркивал важное значение славянофилов для «выработки русской мысли»⁴¹, указывал на положительные моменты их учения о Церкви и соборности, но показывал ограниченность их мысли в отношении «общечеловеческих» начал, которые у Флоровского ассоциировались с подлинным вселенским христианством.

³⁷ Таубе М. Ф. *Ложь Запада и творчество Востока по славянофильскому учению*. Харьков, 1906. С. 11.

³⁸ Трубецкой Н. С. Письма к П. П. Сувчинскому. С. 102–103.

³⁹ Трубецкой Н. С. *История. Культура. Язык*. С. 206.

⁴⁰ Там же. С. 125.

⁴¹ Флоровский Г. В. *Из прошлого русской мысли*. М.: Аграф, 1998. С. 33.

Савицкий, напротив, считал, что славянофилы и особенно Данилевский — важнейший источник евразийских идей: «Определяя русскую культуру как „евразийскую“, евразийцы выступают как осознатели *русского культурного своеобразия*. В этом отношении они имеют еще больше предшественников <...>. Таковыми в данном случае нужно признать всех мыслителей славянофильского направления, в том числе Гоголя и Достоевского <...>. С точки зрения причастности к основным историософским концепциям, „евразийство“, конечно, лежит в общей со славянофилами сфере. Однако проблема взаимоотношения обоих течений не может быть сведена к простому преемству»⁴². Савицкий подчеркивает, что славянофилов и евразийцев разделяет совершенно разный исторический опыт. Те жили в Российской империи и строили концепцию на основании реалий своего времени, евразийцы принадлежат катастрофической эпохе, в которой проявились совсем иные культурно-исторические и социальные факторы. Славянофильство, согласно Савицкому, было во многом явлением провинциальным и «домашним», а евразийство преодолело славянофильский провинциализм и рассуждает о России в связи с мировыми вызовами, новыми всемирными горизонтами. В статье Савицкого мы находим полемику против отдельных положений Н. Я. Данилевского, но он очень высоко оценивает творчество К. Леонтьева и неоднократно его цитирует, например, в работе «Географический обзор России-Евразии» (Прага, 1927). Недаром в 1923 г. в среде евразийцев обсуждался проект переиздания основных сочинений Леонтьева, но в тот момент не нашлось денег на такое издание. Евразийцы, тем не менее, в 1926 г. переиздали сочинение А. Хомякова «О Церкви» с предисловием Л. П. Карсавина. Центральное понятие геософии Савицкого — «месторазвитие» — он прямо соотносит с понятием культурно-исторического типа Н. Я. Данилевского, но вносит существенное дополнение: «Ряд культурно-исторических типов, намеченный Н. Я. Данилевским, продолжим культурно-историческим типом *евразийским*»⁴³.

Таким образом, можно считать, что Трубецкой и Савицкий выражают крайние тенденции в понимании этого вопроса, а другие евразийцы примыкают к тому или иному полярному мнению. Несомненно, евразийцы, которых Ф. Степун назвал «славянофилами эпохи футуризма», во многом продолжили славянофильскую традицию мысли, но открытым и дискуссионным остается вопрос о том, являются ли они «преемниками» их идей, или все-таки сама русская цивилизация, ее православная основа, ее идейно-философские «компоненты» порождают типологически похожие «кластеры» мысли. Я склоняюсь скорее к последней версии. Идейное поле евразийцев и славянофилов едино, но само евразийство возникло как новый ответ на новые исторические вызовы, и уже постфактум обнаружило свою преемственность, типологическую схожесть со славянофилами.

А. В. Малинов: Независимо от высказываний самих евразийцев, нет оснований отрицать преемственность со славянофилами, как «ранними», так и «поздними». При этом надо различать программу славянофилов (например, либеральные идеи «ранних» славянофилов) и восприятие славянофильства евразийцами. Н. С. Трубецкой, например, превратно истолковывал славянофильство как национальную идеологию. Общим для «ранних» и «поздних» славянофилов было стремление ориентировать интеллигенцию на народ (критика обезнароденной интеллигенции) и требование выработки самостоятельных оснований социального и культурного бытия. Национальной, тем более националистической, программы у славянофилов не было. Панславизм славянофилов тоже не стоит абсолютизировать. В. И. Ламанский, например, в конце 1880-х гг. в статьях, опубликованных в «Известиях Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества», фактически выступил с критикой панславизма, а в 1892 г. издал свой главный труд — «Три мира азийско-европейского материка», текст которого во многом совпадал с его лекциями еще

⁴² Савицкий П. Н. Избранное. С. 190.

⁴³ Там же. С. 277.

1870-х гг., где сформулировал учение о трех цивилизационных мирах. К. Н. Леонтьев и В. И. Ламанский признавали значение «туранского элемента» в русской истории (В. И. Ламанский писал об этом еще в своей первой книге «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании», 1859). Н. Я. Данилевский, пожалуй, наиболее ясно выступил с требованием пересмотреть представление о прогрессе в истории, признавая прогресс не однолинейным, а многонаправленным процессом, предлагая заменить принятую метафору линии на метафору поля. Отказываясь признавать западную цивилизацию высшей точкой развития, «поздние» славянофилы подчеркивали конфронтационный характер отношений России и Европы и усматривали пагубное воздействие европеизации на русскую историю и культуру. Одним из истоков учения о «симфонической личности» Л. П. Карсавина была концепция «цельной личности» И. В. Киреевского и А. С. Хомякова, впрочем, ими только намеченная. Карсавинское учение о личности не было специфически евразийским; ближайшим образом оно вытекало из философии всеединства.

Содержательные параллели, прежде всего, в географическом определении цивилизаций, заметны между взглядами В. И. Ламанского и П. Н. Савицкого. Разрабатывая учение о среднем мире (греко-славянском мире) как особой цивилизации, Ламанский признавал его материковый характер, преобладание суровых климатических условий, разнообразие вошедших в него «этнографических стихий» (греки, албанцы, романцы (румыны, волохи), немцы, леты (литовцы, латыши), иранские народы (армяне, грузины, осетины, курды), финские, монгольские, турецкие и татарские племена) при преобладании славянского населения, связывающего их в единое цивилизационное целое. В то же время он подчеркивал, что все крупные народы так или иначе складывались в результате смешения. Русский народ в этом отношении не является исключением: на севере русские смешивались с финнами, а на юге с монголами и турками. Важным в учении Ламанского было признание единства европейской и азиатской России и общности психологического склада населяющих средний мир народов. Границы среднего мира, как их видел Ламанский, не во всем совпадали с границами Евразии. Он, например, включал в состав среднего мира некоторые территории Ближнего Востока, в частности, западную Сирию. В истории среднего мира он усматривал последовательные влияния византийской образованности и восточного христианства, монголов и новоевропейской цивилизации. Начиная с первой своей крупной работы «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» (1859) Ламанский приводил многочисленные примеры взаимного влияния русских, половцев и монголов, факты смешанных браков, переселения славян и монголов, крещения монголов, расширения контактов русских с азиатским миром, благодаря монголам и т.п. Анализируя европейскую публицистику и научную литературу, он показывал негативное отношение, которое существует в романо-германском мире к славянам и России, считал неизбежным военное столкновение России с Германией, которое необходимо максимально отсрочить. В трактате «Три

Владимир Иванович Ламанский
(1833–1914)

В истории среднего мира он усматривал последовательные влияния византийской образованности и восточного христианства, монголов и новоевропейской цивилизации. Начиная с первой своей крупной работы «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» (1859) Ламанский приводил многочисленные примеры взаимного влияния русских, половцев и монголов, факты смешанных браков, переселения славян и монголов, крещения монголов, расширения контактов русских с азиатским миром, благодаря монголам и т.п. Анализируя европейскую публицистику и научную литературу, он показывал негативное отношение, которое существует в романо-германском мире к славянам и России, считал неизбежным военное столкновение России с Германией, которое необходимо максимально отсрочить. В трактате «Три

мира азийско-европейского материка» Ламанский предложил близкую областникам программу развития инородцев, изучения их истории, языка и быта, которое необходимо не только для понимания исторической судьбы среднего мира, но и для его дальнейшего развития.

К истокам евразийства надо отнести и критику европеизма или так называемый «просвещенный национализм», заявивший о себе в последней трети XVIII в. (сплошь о татарских нравах, русская сатира, литература и драматургия, статьи П. А. Плавильщикова, «Антидот», критика французских историков, полемика М. М. Щербатова и И. Н. Болтина и др.), который можно отнести и к предьстории славянофильства. Влияние славянофилов было и опосредованным, например, через областников, в частности, А. П. Шапова, чья земско-областная концепция опиралась на работы славянофильских историков. Сибирские областники заложили основы кочевниковедения. Исследования Г. Н. Потанина и Н. М. Ядринцева реабилитировали «кочевой быт» как самостоятельную цивилизацию. Можно также указать на работы В. П. Семенова-Тянь-Шанского, издававшиеся параллельно трудам евразийцев и содержащие близкий круг идей. В. П. Семенов-Тянь-Шанский называл себя учеником В. И. Ламанского, хотя это ученичество в основном сводилось к личному, семейному общению.

М. В. Медоваров: Я предпочел бы в данном случае отрешиться от субъективных высказываний самих евразийцев, подчас на словах жестко отмежевывавшихся от дореволюционных течений русской мысли, и сосредоточить внимание на фактической, содержательной стороне такого преемства. Славянофилы 1840-х гг. стали основоположниками многих тем, включая православно-богословские, которые затем будут волновать и евразийцев 1920-х гг.; Хомяков стал одним из первых русских системных историсофосов с его учением об «иранстве» и «кушитстве», волновавшем и евразийцев; если же помнить о характере раннего славянофильства как о кружке из нескольких семей близких родственников, то бросается в глаза и тот факт, что евразиец Л. П. Карсавин был внучатым племянником А. С. Хомякова, хотя и не любил вспоминать об этом родстве.

Однако все это еще не дает повода для каких-то особых сближений славянофилов и евразийцев. Сами евразийцы не раз посвящали статьи и семинары наследию ранних славянофилов, но всегда делали это критически, особенно в отношении их экономических взглядов⁴⁴. Единственное несомненное и реальное посредствующее звено между ними — это даже не столько Н. Я. Данилевский (по существу, стоящий вне рамок и славянофильства, и евразийства), сколько великий ученый-славист В. И. Ламанский. Он первым, наряду с изучением славянских народов, обратился к изучению неславянских этносов России. Разорвав к 80–90-м гг. XIX в. большинство (хоть и не все) организационных связей со славянофилами и отрехнувшись от панславистских надежд, Ламанский сохранил интерес к славяноведению, но подчинил его своей доктрине «Трех миров Азийско-Европейского материка». Он начал разрабатывать эту концепцию с 60-х гг., но лишь к 90-м гг. она вылилась в подлинно евразийское понимание деления континента Евразии на собственно Европу, собственно Азию и «Средний мир», границы которого у Ламанского почти полностью совпадают с границами «среднего мира» России-Евразии по Савицкому. Более того, Ламанский был основателем и некоторое время редактором «Живой старины» — этнографического журнала, повлиявшего на подростка Николая Трубецкого, который рано стал публиковать свои первые исследования в другом дружественном издании — «Этнографическом обозрении». Таким образом, евразийство несомненно выросло из учения Ламанского в той мере, в какой автор «Трех миров» сам порвал с прошлым этапом славянофильства и сделал следующий шаг.

⁴⁴ И. К. [Савицкий П. Н.] Экономические воззрения славянофилов. Доклад, читанный в Евразийском семинарии в Праге в декабре 1926 г. Н. С. Жекулиным // Евразийская хроника. Вып. 7. Париж, 1927. С. 29–30.

Подводя итог, можно поддержать взвешенное мнение В. Я. Пащенко: с одной стороны, «евразийцы в ряде принципиальных вопросов пошли дальше славянофилов», с другой, «объективный анализ евразийского учения показывает, что целый ряд его основополагающих понятий взят из арсенала славянофилов»⁴⁵. Впрочем, мотивы выделения России-Евразии как «среднего мира» еще чаще можно встретить у яростных оппонентов славянофильства: у П. Я. Чаадаева, К. Н. Леонтьева, В. А. Грингмута, Э. Э. Ухтомского. В этом плане евразийство проистекает и из неславянофильских источников.

А. А. Тесля: Да, разумеется, — более того, эта связь эксплицитно проговаривается во множестве евразийских текстов. Иное дело, что связь эта — не прямое повторение, а переосмысление, где-то отталкивание, где-то — продолжение славянофильских тем. Также стоит не забывать, что само славянофильство — и то, к которому обращаются евразийцы — и долговременно, и достаточно разнородно, от А. С. Хомякова и И. В. Киреевского до Н. Я. Данилевского, а в чем-то — и неославянофилов 1910-х гг.

Так, достаточно очевидна связь евразийских построений с идеями Данилевского и, к примеру, с геополитическими построениями В. И. Ламанского.

Другое дело, что по исходному принципу евразийство радикально противостоит славянофильству 1840–50-х гг., с его пафосом христианского универсализма и осмыслением России и славянства сквозь это видение — пафосом, который будет вдохновлять прежде всего раннее, но не только, философское творчество Вл. Соловьева.

В. А. Фатеев: Конечно, внутренняя связь между славянофильством и евразийством имеется, и у большинства евразийцев она легко прослеживается. Прежде всего, эта преемственность состоит в критике европоцентризма. Основная заслуга здесь принадлежит Н. С. Трубецкому, ранняя работа которого «Европа и человечество» сыграла важнейшую роль в формировании евразийского комплекса идей, задав тон последующим исследованиям в том же направлении. Трубецкой, выступив против абсолютизации западноевропейской культуры как «общечеловеческой», во многом следовал за славянофилами. Недаром митр. Антоний (Храповицкий) назвал евразийцев в 1920-е гг. «современными Хомяковыми, Киреевскими и Аксаковыми».

Но если славянофилы выступали как национально-православное движение, то в учении евразийцев религиозные понятия были, как правило, размыты, а национальное начало, ярко выраженное у некоторых из них (в частности, у Н. С. Трубецкого), у других заменялось континентально-географическим подходом, философией «местоположения» с подчеркиванием важной роли азиатского элемента. Евразийцы, отрицая, как и славянофилы, западничество, не принимали, в отличие от них, и византийские начала, отрицали единство Киевской и Московской Руси, относили их к разным цивилизациям, преувеличивали значение татаро-монгольского нашествия для русской культуры («туранское начало»).

В целом, евразийцы, явно стремившиеся приспособить идеи славянофильства к современной политической ситуации, с растущей лояльностью к большевизму, на самом деле искажали сущность этого основополагающего направления русской религиозной философии. Существенным недостатком евразийства, согласно Флоровскому, явился «приоритет политических задач перед высшими духовными идеалами».

4. Евразийство в глобальном мире

И. Б. Гаврилов: *Принято считать, что евразийство было реакцией на внутри-русские исторические события и идейные разногласия. Как Вы полагаете, можно ли рассматривать его и в связи с развитием внешнего по отношению к России мира? В частности, можно ли соотносить евразийство с современной ему западноевропейской философией первой трети XX столетия?*

⁴⁵ Пащенко В. Я. Социальная философия евразийства. М.: Альфа-М, 2003. С. 161.

П. Н. Базанов: Вопрос подразумевает два ответа.

1) Евразийство во многом было вызвано разочарованием части русской интеллигенции в эмиграции победой большевиков-коммунистов в России, как бы перечеркнувшей классическое славянофильство, панславизм и дореволюционное почвенничество. С другой стороны, та же революция 1917 г. и «помощь» союзников по Первой мировой войне привели к пониманию тупиковости и бесперспективности русского западничества. Следовательно, нужно было придумать что-то принципиально новое.

2) Скорее борьба евразийства с европоцентризмом повлияла на западноевропейскую философию. Евразийство — оригинальное идеологическое и философское учение в рамках русского востокоцентризма. По моему мнению, евразийство существует в русском мире с Киевской Руси, в XV–XIX вв. переживало кризис, а в 1921 г. получило, наконец, свое название.

Р. Р. Вахитов: Патрик Серию⁴⁶ показал своеобразное влияние идей евразийцев (при всем очевидном различии!) на становление восточноевропейского и даже французского структурализма (вспомним о сотрудничестве Леви-Стросса и Якобсона). Очевидны параллели между евразийской критикой европоцентризма и концепциями Шпенглера и Тойнби. Многие исследователи евразийства (Л. Люкс) сопоставляют его с учениями немецких младоконсерваторов (Меллер ван ден Брук, Шмитт). На поверхности — переключки идей Трубецкого (точнее — предвосхищение!) с левой критикой колониализма 1960-х, с концепцией ориентализма Эдварда Саида.

Евразийцы были религиозными философами и верили, что в XX в. началась новая «эпоха веры». Но в это же время в Европе растет интерес к средневековой культуре и философии, возникает неосхоластика. Жильсон и Маритен практически — ровесники евразийцев (а Эфрон и Цветаева и жена Маритена — Раиса Уманцева были даже знакомы и общались через «кружок Бердяева» в Клараме).

Проблема единства человечества, универсальности истории, западного империализма, взаимодействия Запада и не-Запада, отношений религии и науки, религии и мира модерна — это главные темы евразийства. Но эти же проблемы, которые волновали многих философов современного им Запада.

С другой стороны, невозможно отрицать влияния западных ученых и философов на евразийцев (о чем мало говорится, обычно их вписывают лишь в русскую традицию). Очевидно влияние на Трубецкого социолога Тарда, лингвиста Соссюра, в ранний период — неокантианцев Марбургской школы. На Савицкого повлияли географ Ратцель, геополитик Маккиндер, экономист Лист. Сувчинский и Флоровский-евразиец вдохновлялись некоторыми идеями Ницше, немецких романтиков, а Сувчинский — еще и эстетикой итальянского футуризма. Гегель и Маркс — две фигуры, с которыми евразийцы полемизировали, но и кое-что и взяли у них: у Гегеля — диалектический метод, у Маркса — социальный пафос. Конечно, евразийство причастно к общеевропейской традиции платонизма — и через русскую философию, и непосредственно (как в философии права Алексева).

К. Б. Ермишина: За несколько десятилетий до возникновения евразийства Россия и Европа в отношении культуры и науки во многом представляли собой единое пространство. Отец Н. С. Трубецкого, философ Сергей Трубецкой, учился в Германии у Гарнака и Дильса. Ф. Ницше вдохновлялся Луизой Саломе (именно она — прообраз Заратустры), которая родилась и выросла в Петербурге, и т.д. Н. О. Лосский в своих мемуарах рассказывает о начале Первой мировой войны, когда в Европе находилось огромное количество русских (в Европу ездили отдыхать как на дачу). Во время паники на вокзалах он видел русских, которые теряли рассудок — настолько в голове у них не укладывалась ситуация, что отныне они враги в Европе.

⁴⁶ См.: *Серию П.* Структура и целостность. Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. 1920–1930-е гг. М.: Языки славянской культуры, 2002. 360 с.

Евразийцы были первым поколением русских ученых, которые интеллектуально возросли на сломе эпох — европейской ориентации России и новой, тогда еще неведомой, которую они определили как «евразийскую». Поэтому они корнями связаны с европейской мыслью. Так, например, концепция культуры в книге «Европа и человечество», на что указывает Трубецкой, восходит к Габриэлю Тарду, да и сам Трубецкой был одним из творцов европейского структурализма. Что касается прямых аналогий, к примеру, с историософией Шпенглера, то, по справедливому замечанию позднего Савицкого, в начале 1920-х гг. никто, кроме Флоровского, с его системой не был знаком сколько-нибудь подробно. Савицкий вдохновлялся классиками европейской экономической мысли — Фридрихом Листом, Паулом Рорбахом, Паулом Арндтом, Бернардом Дёрнбургом и др. В его первой геополитической автаркической концепции «Континент-океан» важнейшим понятием становится «Hinterland» (зона политико-экономического влияния страны-метрополии). Этот термин Савицкий даже не посчитал нужным перевести на русский язык. Для Флоровского западноевропейская философия была важнейшим источником его идей и т. д. Что касается классиков геополитической мысли, то с ними Савицкий познакомился (довольно поверхностно) уже позже создания собственно евразийской концепции; о том, что другие евразийцы были знакомы с их работами, нет свидетельств. Савицкий больше интересовался европейскими экономистами и географами, избегая философии, которая ему казалась слишком абстрактной дисциплиной. Тем не менее, евразийцы старались следить за новейшей литературой, в «Евразийской хронике» отдел рецензий из номера в номер пополнялся статьями о европейской литературе, которая могла бы быть интересной для круга читателей этого издания. Поэтому евразийцы, с одной стороны, следуют в общеевропейском интеллектуальном русле, с другой — создают новую, независимую традицию мысли.

А. В. Малинов: Евразийство, конечно, не было изолированным явлением и не замыкалось только в рамках эмигрантских споров. Как в свое время славянофилы, так и евразийцы, вероятно, ряд идей высказывали в качестве ответа на критику в свой адрес или реагировали на события в интеллектуальной жизни Европы. Можно вспомнить, что публикация первого тома «Заката Европы» О. Шпенглера вызвала среди русских мыслителей известную полемику. Однако сопоставление с западноевропейской философией требует специальных текстовых сравнений. В «Европе и человечестве» Н. С. Трубецкой прямо ссылался на Г. Тарда в своей интерпретации культуры. При общей ориентации русской науки и философии на немецкую интеллектуальную традицию, вероятно, можно найти некоторые соответствия их взглядов германской политической географии и антропогеографии. Пишу «вероятно», поскольку не являюсь специалистом в этой области. Евразийская мысль была инициирована катастрофическими процессами, вызванными мировой войной и революцией, но ведь эти процессы охватили не только Россию. Война обрушила германские монархии и способствовала появлению новых государств. Все это не могло не вызвать потребности в осмыслении свершившихся событий, прежде всего, среди немецких ученых. Ценность евразийства состояла в том, что они, в отличие от большинства русской эмиграции, не заикнулись на рассуждениях о причинах революции и т. п., а попытались сформулировать образ чаемой России, т. е. были обращены не к прошлому, а к будущему.

На рубеже XIX–XX вв. в европейской и русской литературе появились многочисленные работы, подводившие итоги уходящему столетию и проецирующие тенденции XIX в. на новое столетие. Чаще всего это были оптимистические прогнозы в русле позитивистского прогрессизма, но существовали и, как потом выяснилось, более реалистичные предвидения, например, предсказание неизбежности мировой войны В. И. Ламанским. В начале XX в. в русском обществе были заметны и эсхатологические ожидания. В этом контексте может быть не бесполезным сравнение различных версий «несостоявшегося будущего» в отечественной и европейской науке и публицистике с оценками евразийцев и их видением будущего.

М. В. Медоваров: Сравнения евразийцев с немецкими «консервативными революционерами» получили внеаучную, политизированную популярность в конце XX в. Подобные поверхностные сравнения, в сущности, основаны лишь на формальном сходстве: Первая мировая война и крушение четырех империй неизбежно породили новые формы социально-политических и философских учений в 20–30-е гг.⁴⁷ Однако по своему содержанию как конкретно-историческая проблематика, так и общее философское мировоззрение немецких «консервативных революционеров» весьма далеки от взглядов евразийцев. В конце концов, даже такой тенденциозный исследователь, как Леонид Люкс, признал, что программа евразийцев «не имела ничего общего с мечтаниями веймарских интеллектуалов»⁴⁸, что они оказались полностью чужды цезаризму немецких консерваторов и т. д.

Следует учитывать, что в целом русская эмиграция (не вся) зачастую жила в параллельных мирах с обществом стран их пребывания, была слабо знакома с современными им европейскими мыслителями, порой жившими на той же улице. Достаточно вспомнить, что выдающийся лингвист Н. С. Трубецкой практически не знал английского языка и не мог читать на нем. Неудивительно, что из евразийцев лишь В. П. Никитин имел контакты с французскими ультраправыми и один только А. П. Антипов был знаком с немецкими национал-революционерами, причем оба подходили к этим контактам крайне критически⁴⁹. Впрочем, евразиец В. Н. Ильин действительно призывал делать «охранительную революцию»⁵⁰, но содержание этого лозунга на русской почве не тождественно немецкой «консервативной революции».

М. Байсвенгер показал, что до 1932 г. евразийцы и немецкие «консервативные революционеры» развивались параллельно, никак не пересекаясь⁵¹. Лишь накануне прихода Гитлера к власти, когда само евразийское движение значительно ослабло, евразиец А. П. Антипов попытался установить контакты с четырьмя немецкими антигитлеровскими группировками, разделявшими интерес евразийцев к опыту советской плановой экономики и идеократическому принципу отбора элиты. Докладывая о результатах своих контактов с немцами П. Н. Савицкому, Антипов был предельно осторожен, остерегаясь конфликта национальных интересов России и Германии. В итоге лишь с Х. Шульце-Бойзенем, будущим руководителем «Красной капеллы», евразийцам удалось установить прочные отношения и опубликовать свои материалы в его журнале. Савицкий и Сеземан всерьез заинтересовались также экономической программой Г. Церера и его круга «Ди Тат», а также национал-большевизмом Э. Никиша, но в обоих случаях без взаимности⁵². «Черный фронт» О. Штрассера евразийцы и вовсе сочли бесперспективным для сотрудничества.

Некоторые содержательные сходства с евразийцами заметны у тех немецких консерваторов 20–30-х гг., кто занимал наиболее «правую» позицию в смысле старого дворянского, сословного консерватизма: у Отмара Шпанна, «Философия истории» которого во многом повторяет ход мысли одноименной книги Льва Карсавина и на которого Карсавин сам написал рецензию⁵³, и у Освальда Шпенглера, геополитическое

⁴⁷ Люкс Л. Евразийство и консервативная революция. Соблазн антизападничества в России и Германии // *Его же*. Третий Рим? Третий Рейх? Третий путь? Исторические очерки о России, Германии и Западе. М.: Московский философский фонд, 2002. С. 97–113.

⁴⁸ Там же. С. 103.

⁴⁹ Антонов А. П. Новые пути Германии // *Новая эпоха. Идеократия. Политика. Экономика. Обзоры* / Ред. В. Пейль. Нарва, 1933. С. 35–43.

⁵⁰ Ильин В. Н. М. Л. Магницкий (Из истории евразийских идей) // *Евразийская хроника*. Вып. 10. Париж, 1928. С. 86.

⁵¹ Байсвенгер М. «Консервативная революция» в Германии и движение «евразийцев»: точки соприкосновения // *Консерватизм в России и мире: В 3 ч. Ч. 3*. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2004. С. 49–73.

⁵² Там же. С. 60–64.

⁵³ Карсавин Л. П. По поводу трудов Отмара Шпанна // *Евразийская хроника*. Вып. 7. Париж, 1927. С. 53; Рубанов Г. И. [Рец.:] Устрялов Н. В. Итальянский фашизм. Харбин, 1928 // *Евразийская хроника*. Вып. 10. Париж, 1928. С. 77–79.

видение места России в мире в поздних трудах которого крайне близко к евразийскому⁵⁴. Однако Шпенглер и Шпанн были далеки от основного русла «консервативной революции», более левого по своей социальной окраске.

Отрицательное отношение евразийцев к немецкому национал-социализму и трагическая судьба Н. С. Трубецкого в этой связи широко известны. Любопытно, что последние выпуски «Евразийской хроники» вышли в Берлине в 1935 и 1937 гг., но содержат выпады против расизма и нацизма. Что касается итальянского фашизма, то евразийцы подвергали критике нерелигиозный характер фашистской метафизики Дж. Джентиле и внутренней политики Б. Муссолини⁵⁵.

Если говорить об интегральном традиционализме, то и здесь пересечения с евразийством незначительны. Из евразийцев внимательно читал труды Рене Генона, по-видимому, только В. П. Никитин⁵⁶; со своей стороны, Генон мимоходом критически отозвался о русских евразийцах в своей переписке. Поэтому синтез евразийства как с генолизмом, так и с немецкой «консервативной революцией» — это явление уже конца XX в. в России.

В то же время евразийство с самого начала связало свои судьбы со структурализмом в лингвистике и антропологии. Н. С. Трубецкой и Р. О. Jakobson сознательно ориентировались на структурализм Соссюра в своем учении о языковых союзах и конвергенции языков. П. Н. Савицкий и Л. П. Карсавин трактовали народы и культуры как «симфонические личности» во многом по-структуралистски, предвосхищая Клода Леви-Строса. В этом отношении до сих пор представляет ценность подход Марлен Ларюэль, определявшей евразийскую философию как особое, онтологическое (а не только гносеологическое) понимание структурализма⁵⁷.

Принципиально важно, что западная мысль XX в. (хоть и не вся, но включая большинство немецких «консервативных революционеров», французских ультраправых и др.) имеет выраженную тенденцию к отказу от «средиземноморского» христианства в пользу дохристианского, языческого наследия Европы как определяющей константы ее бытия. Евразийцы, напротив, рассматривали христианство как закваску, способствующую самобытному брожению самых разных культур, а не только западноевропейской. Евразийство порвало с типичной для последователей В. С. Соловьева тенденцией воспринимать христианство как европейскую религию и восстановило в своих правах взгляд на него как на религию восточную, общую для Эфиопии и Армении, Палестины и Греции, Балкан и России, но оказавшуюся превратно понятой на Западе, в котором римские и германские начала оказались сильнее собственно христианских. Среди евразийцев одним из первых это понял Н. Н. Алексеев, указавший на нехристианский характер западноевропейского права.

А. А. Тесля: Совершенно верно — евразийство обращено к русской ситуации, вызвано русскими вопросами, но отнюдь не замыкается в России и, что также важно, в свою очередь пытается сформулировать и сами вопросы, и дать ответы на них в контексте европейской мысли, прежде всего военной и первых послевоенных лет. Более того, как неоднократно подчеркивалось в исследовательской литературе, евразийство во многом предвещает не только анти-колониальную, но и существенно более позднюю пост-колониальную проблематику. Но в самом первом приближении: евразийство — часть масштабной интеллектуальной реакции на трагедию Первой мировой

⁵⁴ Медоваров М. В. Геополитические воззрения Освальда Шпенглера // Тетради по консерватизму. 2020. № 4. С. 91–98.

⁵⁵ Карсавин Л. П. [Рец.:] Gentile G. Che cosa è il fascismo. Discorsi e polemiche. Valecchi, Firenze // Евразийская хроника. Вып. 8. Париж, 1927. С. 53–55.

⁵⁶ Письма В. П. Никитина Г. В. Вернадскому // Диаспора: новые материалы. Вып. 1. Париж — СПб.: Athenaeum-Феникс, 2001. С. 615; Никитин В. П. Библиография // Евразийская хроника. Вып. 5. Париж, 1926. С. 62–63.

⁵⁷ Ларюэль М. Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи. М.: Наталис, 2004.

войны, конца старого Европейского мира, где оказывается в одном ряду с целой вереницей разнообразных осмыслений исторического процесса, результатов слома прежнего исторического видения — от О. Шпенглера до Г. А. Ландау, от Г. Лукача до М. Хайдеггера.

В. А. Фатеев: Я мало интересовался западноевропейской философией XX в. Но нет сомнения, что ближайшим западным аналогом к идеям евразийцев стал «Закат Европы» О. Шпенглера. Бесспорно, этот известный труд немецкого философа представляет собой отклик на тот же духовный кризис европеизма, о котором писали многие мыслители русской эмиграции, включая и евразийцев.

5. Проблема европеизации

И. Б. Гаврилов: Автор ставшей своеобразным катехизисом евразийства работы «Европа и человечество» Н. С. Трубецкой связывал неудачи, падения и катастрофы русской истории с процессом европеизации. *Согласны ли Вы с его мнением о том, что «европеизация является безусловным злом для всякого не романо-германского народа»?*

П. Н. Базанов: Совершенно не согласен. Поствизантийский, православный культурно-исторический тип — тоже европейский, но — восточно-европейский, не латино-протестантский. Именно падение Византии и создало кризис для развития русского просвещения, культуры и науки. Даже столь нелюбимые классическими славянофилами петровские реформы надо рассматривать как возвращение к византийской науке, к мировому лидерству в научной и культурной сфере. Не Константинополь, а Петербург стал символом величия славяно-православного мира. Беда России — не в заимствовании технических и культурных успехов с Запада, а в неразборчивости. Отличие России от Востока — в умении творчески переработать любые чужие удачи в любой сфере. Н. С. Трубецкой, как и многие идеологи, в пользу своей теории тенденциозно приводил исторические факты. Евразийцы хотели создать евразийскую литературу, историю, географию, музыку и даже математику, физику и химию, которые будут принципиально отличаться от западноевропейских и, видимо, и русских.

Р. Р. Вахитов: Безусловного зла не бывает. Августин Блаженный учил, что только добро абсолютно, а зло — относительно. Конечно, большая правда есть в утверждениях славянофилов и евразийцев о том вреде, который нанесла русской культуре петровская насильственная и грубая вестернизация. В то же время без прикосновения к культуре Запада не было бы русской классической поэзии, литературы, Пушкина, Толстого, Достоевского, русской религиозной философии (которая во многом опирается на Шеллинга и Гегеля, не говоря уже о Платоне и неоплатониках). Я согласен с тем, что нужно разделять общечеловеческое (зачастую под ним скрываются навязываемые западные ценности) и всечеловеческое (сокровищницу всей человеческой культуры, диалектическое единство достижений всех цивилизаций, доступных для всех). Это идея Н. Я. Данилевского, которую сегодня развивает А. В. Смирнов. Само евразийство, кстати, тоже внесло свой вклад в эту всечеловеческую культуру — я имею в виду славянский евразийский структурализм, который по-своему потом был воспринят и переработан и западной культурой.

Я думаю, гармоническое соединение западного и славянского (шире говоря — евразийского) возможно, хотя это и редкость. Для меня такова, например, поэзия Пушкина.

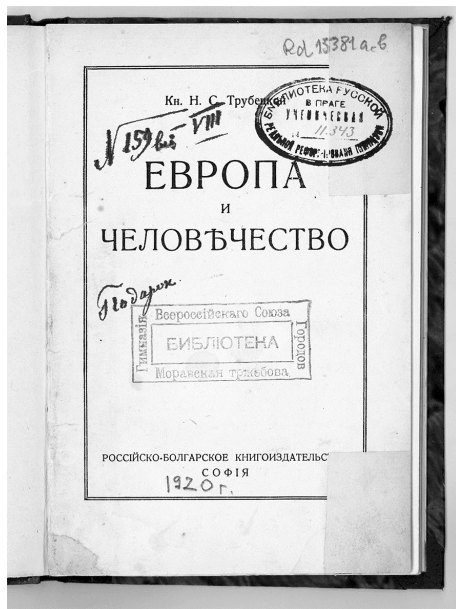
К. Б. Ермишина: В наблюдениях Трубецкого много правды. Важнейшими принципами для Трубецкого являются максимы «познай самого себя» и «будь самим собой». Если отдельный человек возомнит себя совершенно другой личностью,

то попытки «играть» по правилам другой личности закончатся для него душевным расстройством. То же самое можно сказать и об отдельной нации. Необходимо отметить, тем не менее, что «соблазн Европой» есть явление по историческим меркам совсем недавнее. Вероятно, в истории человечества еще не было создано такой цивилизации, которая была бы столь притягательна для других народов, что по ее образцу желали бы перестроить себя иные нации.

С другой стороны, Савицкий выступил с критикой идеи Трубецкого о вреде европеизации, написав рецензию на работу «Европа и человечество» — «Европа и Евразия». В рецензии он справедливо указал на то, что экономическую и техническую отсталость России от западной цивилизации невозможно возвести в некий принцип. Заимствования в этом отношении совершенно неизбежны, иначе русский мир будет быстро разгромлен и поглощен Западом, поскольку в основе своей это довольно агрессивная цивилизация, настроенная на экспансию и жесткое подавление конкурентов, в соответствии с доктриной «воинствующего экономизма».

Трагедия России заключается не в заимствованиях отдельных элементов западной культуры, но в том, что своя собственная культурная идентичность оказалась размыта. На мой взгляд, русские бывают склонны к экстатическому покаянию, сектантскому хлыстовскому «радению» по поводу комплекса вины перед неким мифическим «человечеством» или «коллективным Западом», острому чувству своей якобы «неполноценности». Между тем православное христианство, русская культура, наука, искусство, архитектура и многое другое обладают яркими чертами своеобразия, русский народ — один из немногих народов на планете, способных к гениальному творчеству, к созданию своего оригинального культурного кода и своей государственности. Значение евразийства, наряду со многим другим, заключается в том, что евразийство показало своеобразие и красоту русской цивилизации, обличило русский «комплекс неполноценности», выступило с критикой западопоклоннического мировоззрения.

А. А. Корольков: Крохотная по толщине книга Н. С. Трубецкого (в софийском издании 1920 г. — всего 82 страницы небольшого формата) способна перевесить тома культурологических исследований. «Европа и человечество» — это не катехизис евразийства, это предостережение для всякого человека, для народов мира, уверовавших в вершинное положение европейской цивилизации и культуры. Один из выводов Трубецкого действительно звучит радикально: «Европеизация является абсолютным злом для всякого не романо-германского народа»⁵⁸. Европеизация как стремление стать «средним европейцем», если вспомнить словосочетание пророческой работы К. Н. Леонтьева «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения», — это действительно абсолютное зло, ибо обезличивает народы. Трубецкой дожил всеми национальными культурами, в том числе развившимися в европейской

Титульный лист книги Н. С. Трубецкого «Европа и человечество», София, 1920 г.

⁵⁸ Трубецкой Н. С. Европа и человечество. София: Российско-болгарское книгоизд-во, 1920. С. 81.

части мира, ему претила унификация культур. Он считал злом стремление придать исключительность европейской цивилизации и в зародыше увидел истоки нацизма. Для него «азиатская степь» — это тоже цивилизованный мир, но другой, отличный от романо-германского.

А. В. Малинов: Евразийцы не были родоначальниками критики европеизации. Антиевропейский дискурс в русской мысли начал складываться задолго до них, по крайней мере, с последней трети XVIII в. Не только современные евразийцам события революции, мировой и гражданской войн, но и последующее развитие России подтверждает пагубность бездумной европеизации. Однако петербургский период русской истории, т.е. период открытой европеизации, нельзя оценивать сугубо отрицательно. Именно на эти двести лет приходятся главные достижения русской культуры и ее мировое значение. Более того, по крайней мере с XVI в. русская культура и политика уже ориентировались на Западную Европу. Падение Византии прервало связи с православным Востоком, а распад монгольской империи нарушил складывающиеся отношения с азиатским миром. Еще с XIII в. стало формироваться отрицательное отношение к католическому миру. Конечно, Россия в известном смысле замкнулась в себе, но Европа фактически продолжала оставаться ее единственным контрагентом. Негативное отношение не распространялось на протестантов, а религиозные войны в Европе способствовали миграции протестантов, которых охотно принимали в Москве. Известно, что в Немецкой слободе было две лютеранские и одна кальвинистская церкви. Надо признать, что византийское влияние на Русь состояло не только в христианизации, но и в своего рода европеизации восточных славян. Латинствующие и грекофилы в Московском государстве были западниками XVII в.

Вся история русской культуры показывает, что Россия, если воспользоваться выражением Н. Я. Данилевского, относится к преемственным культурно-историческим типам. Если оценивать европеизацию исключительно негативно, то придется фактически отказаться от всей русской истории и культуры. Отсутствие контактов не только приводит к изоляции культуры, но и, как правило, к задержке в развитии. Русская культура подтверждает общую схему культурной динамики, согласно которой толчком к развитию часто выступает знакомство с чужой, как правило, достаточно развитой культурой (период ученичества). Столкновение с чужой культурой со временем приводит к осознанию отличий (период рефлексии). Когда проявляются не только положительные, но и отрицательные результаты заимствований, угрожающие самому существованию национальной культуры, то запускается механизм самосохранения культуры (период самоизоляции); в противном случае культура погибает. Результатом изоляции становится выработка новых (синтетических, гибридных) форм культуры, в которых, как правило, более ясно (отрефлексировано) выражена национальная специфика (период самобытного культурного творчества). Сознательная культура, воплощающаяся в определенных узнаваемых формах, может на равных взаимодействовать с другими культурами, в том числе с миром, который первоначально выступал в качестве культурного донора (период диалога). Негативные последствия европеизации могут сказаться только в случае затягивания первого этапа. В петербургский период европеизация, которая во многом уже себя изжила к исходу XVIII столетия, стала частью политической идеологии и практики и продолжилась в XIX в. Она не смогла остановить формирование национальной культуры, но привела к негативным политическим последствиям, в том числе и в силу активного участия в европейской политике. Тоталитарные практики марксизма или фашизма (даже убежденный западник П. Н. Миллюков называл популярный среди части русской эмиграции фашизм «черным западничеством») следует отнести к результатам затянувшейся европеизации.

Уже более столетия в Китае продолжается новый цивилизационный синтез традиционной китайской и западной культур, результатом которого должна стать

новая цивилизационная модель. История культуры показывает, что такой процесс занимает около трех столетий, поэтому мы в лучшем случае являемся свидетелями середины этого процесса. Так, например, христианская цивилизация возникла в результате синтеза эллинистической и восточных культур, продолжавшегося около трех веков. Россия может попытаться встроиться в эту зарождающуюся цивилизацию, с которой ей в любом случае придется взаимодействовать, вероятно, в ближайшую тысячу лет. Евразийство предлагает альтернативный вариант как становящейся «неокитайской» или дальневосточной, так и отживающей «западной» модели. Трудно сказать, насколько евразийская модель будет жизнеспособной, поскольку она тяготеет к унитарному государству с единой идеологией. Мне представляется, что на ближайшую перспективу альтернативой может выступить и областничество (федеративное государство с переносом центра государственности за Урал), как более гибкая политическая форма и «мягкая» идеологическая конструкция. В отличие от евразийства, областничество практически не востребовано на уровне государственного строительства и идеологии. В нем по-прежнему усматривают сепаратистский потенциал. Однако для неоевразийства было бы перспективно интегрировать областническую программу.

М. В. Медоваров: Следует учитывать, что «Европа и человечество» была опубликована еще до оформления евразийского движения; строго говоря, именно с отзыва Савицкого на эту книгу Трубецкого и началось само движение. В дальнейшем Трубецкой высказывался в не столь резких формулировках, хотя сущность его взглядов не изменилась. Высказанная здесь мысль не нова и буквально повторяет инвективы К. С. Аксакова и Н. Я. Данилевского. Речь идет о разрушительных последствиях односторонней вестернизации, поэтому с данным тезисом я вполне могу согласиться. Отмечу, что не кто иной, как сам А. Дж. Тойнби был солидарен с этим высказыванием Н. С. Трубецкого в деталях, когда оплакивал насильственную вестернизацию не романо-германских народов даже внутри самой Европы и тем более применительно к остальному миру (*The West and the Rest*)⁵⁹. Можно говорить о том, что Россия в итоге в целом смогла справиться с вызовом вестернизации, но цена, затраченная на борьбу с ней, оказалась чудовищной.

А. А. Тесля: Не согласен — поскольку остается довольно не ясен в многочисленных евразийских текстах (и плавающ у самого Трубецкого) смысл понятия «европеизация». Другое дело, что евразийцы — в числе целого ряда других интеллектуальных направлений — хорошо высвечивают, что «европеизация» не делает «Европой», она зачастую оказывается не формой преодоления отставания, а другой формой его воспроизводства.

Но в случае с Россией мне представляется довольно бесплодным спор о принадлежности или непринадлежности ее к «Европе»: в зависимости от того, как мы будем понимать «Европу» и «европейскость», наши ответы на этот вопрос будут радикально различаться. Но мы так или иначе являемся частью «европейского мира», периферийной, плохо интегрируемой в европейский политический порядок (хотя нельзя сказать, чтобы не интегрируемой вообще — достаточно вспомнить о XIX столетии), довольно своеобразной, — но на контрасте с другими «культурными мирами» становится очевидной принадлежность по крайней мере современной русской культуры и общества европейскому сообществу. При этом принадлежность не случайная, не обусловленная лишь петровской модернизацией (а, напротив, эта первая догоняющая модернизация — то, что именно Россия оказывается первой страной, осуществляющей это историческое движение — находит основание в предшествующей культурной, политической, социальной, религиозной истории).

⁵⁹ Тойнби А. Дж. Мир и Запад // *Его же*. Цивилизация перед судом истории: Сборник. М.: Айрис-пресс, 2003. С. 435–482.

В. А. Фатеев: Европейское влияние на русскую историю имело в разные периоды различный характер, но оно приносило какую-то пользу лишь тогда, когда носило характер внешних цивилизационных заимствований без ущерба для духовной самостоятельности и без слепого подражания. Однако антиевропеизм сам по себе может иметь разную направленность, в том числе и антикультурную, нигилистическую. Правда, современная европейская идеология приобрела настолько ярко выраженный либерально-тоталитарный, притом нарастающе агрессивный, характер, что само по себе подтверждает правоту многих интуиций Н. С. Трубецкого и других евразийцев с их настойчивыми попытками выработать самостоятельные религиозно-философские основания русской цивилизации.

6. Революция 1917 г. в сознании евразийцев

И. Б. Гаврилов: *Евразийцы рассматривали революцию 1917 г. как событие, ознаменовавшее начало новой эпохи, связанной с выходом России из чуждого ей европейского культурного мира и вступлением на путь самобытного исторического развития. П. П. Сувчинский писал: «Сама судьба... открывает возможность для русского народа найти свои самоначальные и самостоятельные пути и возможности, чтобы побороть в лице революции злосчастное свое „западничество“». Как Вы можете прокомментировать эту точку зрения?*

П. Н. Базанов: Революция 1917 г. была, вопреки мнению (самообману) евразийцев, грандиозной победой самого экстремистского западнического крыла русского общества. Коммунистический Интернационал, управлявший СССР, рассматривал нашу Родину как площадку для всемирной вненациональной республики. Исторический процесс быстро заставил советских коммунистов возрождать русскую историю в школе, идеологию национального патриотизма и даже разрешить православную Патриархию, только чтобы устоять против коллективного Запада. Вместе с тем, коммунистическими идеологами СССР данные уступки всегда рассматривались как временные и были неискренними. Лидер левого евразийства П. П. Сувчинский рад был обмануться, декларируя такую точку зрения.

Р. Р. Вахитов: В каком-то смысле революция в России действительно ознаменовала собой начало новой эпохи, причем в мировом масштабе. Она открыла цепь революций в незападных странах, которые стали избавляться от влияния западного империализма с разной степенью успешности. 1917 г. предопределил падение колониальной системы и то, про что сегодня много говорят – попытку построить многополярный мир.

Но я понимаю, что Вы имеете в виду новую эпоху в русской культуре. Это сложный вопрос. С одной стороны, революция нанесла удар по сердцу русской культуры – православию. С другой стороны, перед революцией русская культура была на распутье. Серебряный век нес в себе модернистские декадентские миазмы, которые были прообразами того издевательства над русской культурой, ее классическими ценностями, что мы увидели в либеральном шабаше 90-х. Большевики после краткого периода «детской болезни левизны» оказались сторонниками русской классической культуры (увы, без ее религиозного фундамента, конечно). Шолохов, Алексей Толстой, Твардовский, Симонов – все это наследники Пушкина, Льва Толстого, Чехова. Советская культура в лучших проявлениях – наследница русской классической культуры.

Евразийцы понимали амбивалентность советской цивилизации, Савицкий указывал, например, что сталинская культурная революция оказалась не на высоте творческого подъема масс, связанного с революцией. Латентные интенции связывали советскую культуру с допетровской, но западнический, атеистический марксизм помешал этому возвращению к истокам, о котором мечтали и Сувчинский, и Святополк-Мирский.

К. Б. Ермишина: Отношение к октябрьской революции 1917 г. стало важнейшей точкой отсчета для евразийской системы мысли. Для Сувчинского революция вообще была центральной темой его творчества, он связывал ее не только с политическими переменами, но, главным образом, с переменами в культуре, музыке, с созданием нового театра, новыми литературными жанрами и т. д. Этой теме Сувчинский остался верен даже после прекращения своего участия в евразийстве. Трубецкой в этом отношении был гораздо консервативнее, он порицал «революциопоклонство» Сувчинского, его увлечение модернизмом, в частности, творчеством И. Эренбурга. Поэтому в классическом евразийстве темой революции «заведовал» именно Сувчинский, недаром он возглавил потом «левое» евразийство, в центре интересов которого стоял марксизм.

Л. П. Карсавин, создал теорию Феноменологии революции, которую с восторгом принял Трубецкой. Она стала в 1927 г. официальной версией евразийской «социологии революции» (по определению Савицкого). В этой версии, которая имеет параллели с концепцией Питирима Сорокина, уже нет восторженной оценки революционного процесса. Революция рассматривается как смена правящего слоя в несколько этапов — от анархии до формирования революционного правящего слоя, который оформляется постепенно в подлинное правительство, соблюдающее национальные интересы. Именно эта трактовка революционного процесса более характерна для позднего евразийства.

Тем не менее, все признавали, что именно октябрьская революция, после прихода к власти большевиков, запустила процесс отказа от европейской ориентации. Мнение это справедливо и подкрепляется историческими фактами. Другая сторона данного утверждения — о том, что в революции Россия обрела свое подлинное, национальное лицо — была довольно поспешной. Позже евразийцы не раз говорили о том, что России только еще предстоит обрести свой путь, который они связывали с подлинной идеократией, с евразийской доктриной.

А. В. Малинов: Наиболее радикальными идеями евразийцев были признание русской революции как свершившегося факта и взгляд на русскую историю с Востока, т. е. восприятие России как наследницы империи монголов, а не Киевской Руси. Первая идея входила в противоречие с реваншистскими настроениями большинства эмигрантов, а вторая — разрывала с традиционной историографией. Думаю, что упование евразийцев на то, что большевики отвернутся от Запада, было самообольщением. Это Запад отвернулся от большевиков, видя в идеологии интернационализма и пропаганде мировой революции угрозу своему проекту глобализации (сначала колониальной, затем постколониальной и либеральной). Русский марксизм и после революции оставался радикальным западничеством. СССР никогда не замыкался на своих потребностях, а проводил экспансионистскую политику. Менее всего большевики обращались к русскому народу и заботились о его интересах. Евразийцы были правы, когда рассматривали революцию как закономерный итог двухсотлетней европеизации, и ошибались, когда полагали, что большевики сберегли евразийское пространство. Национальная политика большевиков и ее последствия лучше всего иллюстрируют несоответствие исторической судьбы Евразии коммунистической практике. Опора на Евразию была для большевиков средством выживания и тем ресурсом, которым можно пожертвовать. Только внешним, формальным совпадением можно объяснить восхищение евразийцев энтузиастической идеологией, навязываемой в Советском Союзе. Она не противопоставлялась абсолютизации материального начала в жизни, а лишь служила укреплению власти правящей партии. Конечной целью всегда признавалось улучшение материального благосостояния. Принцип «ведущего отбора», предлагаемый евразийцами, также имел мало общего с кадровой политикой большевиков. Все совпадения были или случайными, или относились к области евразийских иллюзий. Большевики проводили конфронтационную политику, характерную для западной цивилизации, в то время как евразийская политика исходила из поиска компромиссов. К положительным чертам революции следует

отнести тот факт, что, разрушив старый порядок, она освободила не только разрушительные, но и творческие силы народа, создала новые социальные лифты, привнесла в жизнь новые смыслы, прежде всего, дала надежду на социальную справедливость.

М. В. Медоваров: Для разных этапов русской мысли было характерно желание использовать текущую ситуацию как шанс для поворота к самобытности. То, о чем мечтал Сувчинский в 1920-е гг., до него едва ли не дословно произносили любомудры (Д. В. Веневитинов, В. Ф. Одоевский в «Русских ночах»), славянофилы (И. В. Киреевский в поздних произведениях), Константин Леонтьев. Революция 1917 г. и последующая изоляция Советской России в 20-е гг. вполне естественно были восприняты русской общественной мыслью как еще один шанс на избавление от «псевдоморфоза» петербургского периода. Как всегда, и на сей раз данные ожидания сбылись в советский период лишь частично и не совсем в той форме, в какой их чаяли ранние евразийцы.

А. А. Тесля: В этой точке зрения есть свой резон — в том смысле, что с 1917 г. начинается не только новый этап русской истории, но Россия оказывается «местом мировой истории», там, где она свершается. Но я воспринимаю ее и как принципиально ложную — видящую во всемирно-историческом событии прежде всего некое «самобытничество».

В. А. Фатеев: Евразийство стало откликом патриотической части эмиграции на осознание особого культурного и географического положения России между Европой и Азией после большевистского переворота, отделившего «русский мир», вступивший на самостоятельный путь развития, «железным занавесом» от европейской цивилизации. Евразийство рассматривало себя как политическое движение, призванное на замену большевизму. Любопытно отметить тот известный факт, что в 1930-е гг., при диктатуре Сталина, в проводимой, хотя и не декларируемой им открыто, политике стали возрастать идеологические черты, близкие к евразийству. Не случайно вернувшийся из ссылки историк Н. В. Устрялов писал, что идеи Сталина сильно напоминают ему «евразийские тезисы». Часть этих евразийских черт унаследовали современные левые идеологи, которых называют «православными сталинистами».

7. Место евразийства в истории русской философской мысли

И. Б. Гаврилов: *Как Вы в целом оцениваете роль классического евразийства в истории русской философской мысли?*

П. Н. Базанов: Евразийство — одно из самых оригинальных и творческих изобретений в истории русской философской мысли. Оно повлияло на мировую философскую и общественно-политическую мысль, как на западную, так и отечественную. Евразийство — одна из самых известных и оригинальных философских систем не только русской эмиграции, но и всей отечественной общественной мысли. Идея евразийской империи, в рамках геополитики, — высшее достижение евразийской философии и мысли.

Р. Р. Вахитов: Классическое евразийство — это очередная попытка переосмыслить свою национальную культуру в «роковые минуты» истории своего народа. Это — консервативный взгляд на модерн, во многом похожий на традицию западного консервативного Просвещения. Это — религиозно-философское прочтение революции в духе де Местра. Это — открытие в России внутреннего Востока. Конечно, все это обеспечило долговременный интерес к евразийству, не ослабевающий до сих пор.

Философские основы евразийства пока осмыслены и поняты мало. Евразийство — это учение о диалектике единого и многого, о типах единства, об Истине и ее диалектических аспектах, о расколотости мира и способах его сборки, о структурах

и тождестве противоположностей. Мне это отчасти напоминает проблематику философии Алена Бадью. На мой взгляд, влияние евразийской философии на русскую мысль — еще впереди.

К. Б. Ермишина: С. Л. Франк писал о евразийстве: «Я <...> отнесся к нему с интересом как к единственному в эмиграции проявлению свежей и оригинальной общественной мысли»⁶⁰. В этом замечании отмечен важный момент, а именно: в русской эмиграции евразийство, действительно, было первым и единственным «пореволюционным» движением (сменовеховцы не были ни глубоко оригинальны, ни столь значимы), которое смогло сочетать самые разные философско-религиозные элементы мысли, породить дерзновенное и глубокое мировоззрение. В евразийстве выразила себя мысль софиологическая (через Л. П. Карсавина), персоналистическая (Н. С. Трубецкой), платоническая (Вл. Ильин, В. Э. Сеземан), политическая, геософская, историсофская и т. д. Важно отметить, что в конце 1930-х гг. Савицкий и Сувчинский независимо друг от друга начинают рассматривать проблему Времени, выдвигая оригинальные теории. Для Савицкого время становится определенным видом энергии, он поддерживает концепцию астрофизика Н. А. Козырева, о которой узнает через Л. Н. Гумилева⁶¹. Сувчинский в 1939 г. публикует работу «Понятие о времени и музыка (размышления о типологии музыкального творчества)», выдвигает теорию двух темпоральностей — хронологической (истинное бытие) и хронометрической (субъективное бытие). Формы творчества, которые способны вывести человека ко Времени Абсолюта — истинны, все противоположное — субъективно и ложно. Проблема времени есть философская проблема постмодернизма. Исследователи, в частности, Патрик Серио, называют Трубецкого одним из творцов структурализма.

Таким образом, можно говорить о евразийстве не только как о политической или историсофской традиции, но и как о философской, которая выходит непосредственно к темам модернизма и постмодернизма.

А. А. Корольков: Евразийство проявило себя в наибольшей степени как политическая, социологическая и культурологическая платформы, а эти платформы в конкретных трудах подчас неотделимы от философских размышлений. Среди евразийцев были глубокие мыслители, но особой евразийской философии они не создали. Труд Л. П. Карсавина «О личности» — величайшая веха в религиозно-философской трактовке индивидуальной и симфонической личности, однако вряд ли этот труд имеет какое-то отношение к евразийским увлечениям автора. «Европа и человечество» Н. С. Трубецкого — тоже недооцененное философское произведение, жаль, если европейцы не читали столь значимой для их самопознания книги, и в нашей стране было бы правильно включить ее в учебные программы по философии.

А. В. Малинов: Можно отметить два аспекта «классического» евразийства: историко-философский и современный. С историко-философской точки зрения евразийство представляет собой наиболее интересное и яркое явление русской эмиграции. Евразийцы сформулировали оригинальные идеи, которые вызвали и до сих пор вызывают споры. При всей своей скандальности и крикливости, евразийцы все же удержались от того публицистического сквернословия, в которое погрузилась значительная часть эмиграции. Однако в качестве философии евразийство оказалось довольно бедным. Оно представляет интерес, пожалуй, лишь для политической философии и философии истории. Евразийство не метафизично и в этом смысле кажется более доступным для воспроизведения или интерпретации. Если бы Л. П. Карсавин не примкнул на короткое время к евразийцам, то, вероятно, едва ли можно было вообще говорить об их философии.

⁶⁰ Франк С. Л. Биография П. Б. Струве. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. С. 146.

⁶¹ См. на эту тему работу: Ермишина К. Б. Философия пространства и времени П. Н. Савицкого и Л. Н. Гумилева // Экономические стратегии. 2018. № 5. С. 72–77.

В то же время евразийство не утратило значения для современности. Оно во многом и поныне актуально. Причина этого состоит в том, что, с одной стороны, евразийский проект оказался не реализованным, а сформулированные евразийцами вопросы (например, о западной цивилизации, единстве, самоценности и самостоятельности евразийского мира и т. п.) до сих пор волнуют думающих людей. С другой стороны, актуальность евразийства является оборотной стороной его не метафизичности. Евразийство востребовано как идеология, предлагающая образ будущего. Если бы евразийство было только философией, то, вероятно, не заслужило бы такого внимания. Сомневаюсь, что в 2023 г. кто-то будет отмечать 200-летие Общества Любомудров или в 2038 г. юбилей славянофильства, а за евразийством до сих пор мерещатся какие-то политические дивиденды или идеологические бонусы.

В заключение я бы хотел упомянуть об одном замысле Н. С. Трубецкого, на который практически не обращают внимания. В 1926 г. он высказал мысль о необходимости создания синтетической науки о культурных явлениях, изучающей параллельные эволюции отдельных сторон жизни, — этнософии. Термин «этнософия» еще не прижился в современном социогуманитарном знании, а его значение не устоялось. Тем не менее, мысль Н. С. Трубецкого вполне заслуживает дальнейшего продумывания и наполнения этнософии конкретным содержанием. В частности, этнософия может сосредоточиться на анализе современных форм мифотворчества (регионального, политического, национального), в которые нередко переходят и современные истолкования евразийства.

М. В. Медоваров: На мой взгляд, евразийство — одна из важнейших вершин русской мысли, хотя и не единственная. Евразийство качественно и количественно превзошло дореволюционную мысль по глубоко проработанному вопросу о географических и историко-культурных особенностях России, покончив с многолетними попытками рассуждать на религиозные и духовные темы в отрыве от материальных реалий родной страны и континента. Евразийцы, впрочем, не ограничились историко-географической тематикой и выдвинули принципиально новые подходы к вопросам социально-политического и правового устройства России. Поэтому евразийство оказалось намного более живучим и устойчивым, чем полагали его оппоненты. Часть ранних евразийцев (П. Н. Савицкий, Г. В. Вернадский, В. П. Никитин, отчасти В. Н. Ильин) продолжала твердо придерживаться своих позиций и поддерживать коммуникацию друг с другом до конца жизни (до 60–70-х гг.). Общеизвестно влияние Савицкого на Л. Н. Гумилева и возрождение нескольких вариантов неоевразийства на рубеже XX–XXI вв.

Исследователи спорили о том, кто из евразийцев наиболее адекватно выражал философию движения в целом. М. Ларюэль выдвигала на первый план Н. С. Трубецкого, считая, что Л. П. Карсавин пришел в евразийское движение в 1925 г. уже с собственной готовой философией, которую нельзя считать собственно евразийской. По-иному расставляет акценты Андриус Мартинкус, выделяя «досистемный» этап евразийства с определяющим влиянием Г. В. Флоровского, «системный» этап 1925–1929 гг. с доминированием философии Карсавина и период постепенного угасания движения в 30-е гг.⁶² Нам представляется, что философская система Карсавина сложилась именно в годы его участия в евразийском движении, под влиянием евразийской тематики и вполне гармонизировала с конкретно-историческими, политическими и экономическими изысканиями П. Н. Савицкого, Н. Н. Алексеева и их соратников.

Объективности ради следует сказать и о некоторой ограниченности евразийства. Сугубо личные факторы: отталкивание Н. С. Трубецкого от других философов из его знаменитого семейства, резкое расхождение П. Н. Савицкого с его учителем П. Б. Струве, изначальное неприятие Л. П. Карсавина и В. Н. Ильина

⁶² Мартинкус А. Соблазн могущества (Трансформация «Русской идеи» в философии «классического евразийства» (1920–1929)). М.: Директ-Медиа, 2013.

в Свято-Сергиевском богословском институте в Париже — приводили к прискорбно резкой с обеих сторон полемике евразийцев с религиозными философами «старшего поколения» (хотя Карсавин по возрасту сам принадлежал к оному). Впрочем, некоторые крупные мыслители умели перейти эту грань и сотрудничать как с евразийцами, так и с кругом «Пути» и прочей религиозно-философской эмиграции (С. Л. Франк, В. Э. Сеземан, а поначалу и Г. В. Флоровский, и П. М. Бицилли). Столетие спустя можно объективно оценить данный конфликт и увидеть общие черты с евразийцами даже у таких их заведомых оппонентов, как Н. А. Бердяев и С. Н. Булгаков.

Еще ближе, конгениальнее к евразийству оказались оставшиеся в Советском Союзе философы, прежде всего, П. А. Флоренский (особенно в «Предполагаемом государственном устройстве в будущем», но также и в своих этнографических работах) и А. Ф. Лосев (первые книги которого были внимательно отрецензированы евразийцами⁶³). Если сделать эту оговорку и отказаться от резкого противопоставления русской классической философии и евразийства, рассматривая их как две параллельные вершины русской мысли (в софиологии Карсавина и Флоренского, а отчасти и в метафизике Франка сливающиеся практически в одну), то такая высокая оценка вклада евразийства в историю русской мысли будет, на мой взгляд, наиболее полной и адекватной.

А. А. Тесля: Евразийство — яркий идеологический, политический, публицистический и, в гораздо меньшей степени, философский феномен прежде всего 1920-х гг. Историческая несостоятельность евразийских построений — прежде всего потому, что они изначально преследовали цель производства действия, а не постижения истины — представляется вполне доказанной. Некоторая продуктивность внимания к степному миру, Московскому царству и Российской империи как наследницам части Монгольской империи — пробужденная в том числе и евразийскими идеологами — оказывается значимой именно в той части, в которой свободна от последних.

Евразийство — попытка именно «придумать», «сделать» идеологию. И в этом, на мой взгляд, изначальная ущербность этого движения, его врожденный порок.

В. А. Фатеев: Для советского периода евразийство имело определенную ценность как попытка переосмысления катастрофических событий революционной эпохи в духе положительного развития традиционной национальной мысли. В переходный период 1990-х наличие такого более культурно-политического, нежели религиозного направления мысли помогло, на мой взгляд, скорейшему возрождению самостоятельной отечественной философии после долгих десятилетий господства безбожной марксистской идеологии. Нет сомнения, что история евразийства заслуживает сегодня серьезного изучения. Однако считаю современные попытки «оживить» евразийство в качестве целостного учения, приспособив его к интеллектуальным запросам современной эпохи, не слишком плодотворными ввиду эклектического, разнонаправленного характера фундаментальных идей этого течения русской мысли.

⁶³ Сеземан В. Э. [Рец.:] Лосев А. Ф. Философия имени. М., 1927 // Версты. Париж, 1928. Вып. 3. С. 163–172; Вейдеман А. Мышление и бытие (Логика достаточного основания). Рига, 1927 // Версты. Вып. 3. Париж, 1928. С. 163–172; Сеземан В. Э. Рец. на книгу: Лосев А. Ф. Диалектика художественной формы. М., 1927 // Евразия. 1928. 29 декабря. Републикация: София: Альманах. Вып. 3. Евразийство и А. Ф. Лосев: миф и эйдос в русской мысли. Уфа: Уфимское религиозно-философское общество им. А. Ф. Лосева, 2013. С. 269–270.

Источники и литература

1. Антонов А. П. Новые пути Германии // Новая эпоха. Идеократия. Политика. Экономика. Обзоры / Ред. В. Пейль. Нарва, 1933. С. 35–43.
2. Антощенко А. В. «Евразия» или «Святая Русь»? Российские эмигранты «первой волны» в поисках исторического самосознания: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.09. СПб., 2003. 432 с.
3. Базанов П. Н. «Петропольский Тацит» в изгнании: Жизнь и творчество русского историка Николая Ульянова. СПб.: Владимир Даль, 2018. 511 с.
4. Байссвенгер М. «Консервативная революция» в Германии и движение «евразийцев»: точки соприкосновения // Консерватизм в России и мире: В 3 ч. Ч. 3. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2004. С. 49–73.
5. Белукова В. Б., Гаврилов И. Б., Захарова В. Т., Иванов И., свящ., Любомудров А. М., Пак Н. И. «Истинная Россия есть страна милости, а не ненависти». Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет» к 50-летию кончины классика литературы Русского зарубежья Бориса Константиновича Зайцева (1881–1972) // Русско-Византийский вестник. 2021. № 4 (7). С. 154–166.
6. Богословие истории в XX веке: Восток и Запад: монография / Под общ. ред. свящ. Михаила Легеева. СПб.: Изд-во СПбДА, 2023. 564 с.
7. Вахитов Р. Р. Болгарский фон евразийства: на перекрестках интеллектуальных судеб // Христианское чтение. 2017. № 1. С. 417–427.
8. Вахитов Р. Р. Два чуда при рождении мифа евразийства // Христианское чтение. 2021. № 2. С. 206–215.
9. Вахитов Р. Р., Родионова А. Е. Библиейские метафоры и символы в евразийских статьях П. Н. Савицкого (1921–1922) // Христианское чтение. 2023. № 1. С. 254–266.
10. Вейдман А. Мышление и бытие (Логика достаточного основания). Рига, 1927 // Версты. Вып. 3. Париж, 1928. С. 163–172.
11. Воронович А. В. Материалы личного архива Л. Н. Гумилева как исторический источник: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.09. Санкт-Петербург, 2011. 383 с.
12. Гаврилов И. Б. Протоиерей Георгий Флоровский как православный мыслитель и свидетель Церкви // Верующий разум. 2013. № 1. С. 43–72.
13. Ермишина К. Б. Образ Древней Руси в историографии русской эмиграции XX в.: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.03. М., 2007. 191 с.
14. Ермишина К. Б. Сто лет евразийской идее: обзор современных исследовательских подходов к изучению евразийства // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2022. № 11. С. 369–385.
15. Ермишина К. Б. Философия пространства и времени П. Н. Савицкого и Л. Н. Гумилева // Экономические стратегии. 2018. № 5. С. 72–77.
16. И. К. [Савицкий П. Н.] Экономические воззрения славянофилов. Доклад, читанный в Евразийском семинарии в Праге в декабре 1926 г. Н. С. Жекулиным // Евразийская хроника. Вып. 7. Париж, 1927. С. 29–30.
17. Иванов И., свящ., Гаврилов И. Б., Титаренко С. Д., Титаренко Е. М., Сокурова О. Б., Маркидонов А. В. Вячеслав Иванов: поэт, философ, христианин. К 70-летию со дня кончины. Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет» // Русско-Византийский вестник. 2020. № 1 (3). С. 338–355.
18. Ильин В. Н. М. Л. Магницкий (Из истории евразийских идей) // Евразийская хроника. Вып. 10. Париж, 1928. С. С. 85–86.
19. Ильин И. А. Самобытность или оригинальничанье? // Русская мысль. Париж, 1927. Кн. 1. URL: http://russianway.rhga.ru/upload/main/34_Samobyt.pdf (дата обращения: 23.04.2023).
20. Исход к Востоку: Предчувствия и свершения: Утверждение евразийцев. София: Рос-болг. книгоизд-во, 1921. VII, 125 с.
21. Карсавин Л. П. [Рец.:] Gentile G. Che cosa è il fascismo. Discorsi e polemiche. Valecchi, Firenze // Евразийская хроника. Вып. 8. Париж, 1927. С. 53–55.

22. *Карсавин Л. П.* По поводу трудов Отмара Шпанна // Евразийская хроника. Вып. 7. Париж, 1927. С. 53.
23. *Кизеветтер А. А.* Евразийство // Мир России — Евразия: Антология. М.: Высш. шк., 1995. С. 315–328.
24. *Клементьев А. К.* Материалы к истории деятельности Л. П. Карсавина в Евразийской организации (1924–1929 гг.) // Вестник ЕДС. 2021. № 36. С. 399–510.
25. *Ларюэль М.* Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи. М.: Наталис, 2004. 287 с.
26. *Люкс Л.* Евразийство и консервативная революция. Соблазн антизападничества в России и Германии // *Его же.* Третий Рим? Третий Рейх? Третий путь? Исторические очерки о России, Германии и Западе. М.: Московский философский фонд, 2002. С. 97–113.
27. *Мартинкус А.* Соблазн могущества (Трансформация «Русской идеи» в философии «классического евразийства» (1920–1929)). М.: Директ-Медиа, 2013. 469 с.
28. *Медоваров М. В.* В. П. Никитин и его место в евразийском движении // Русско-Византийский вестник. 2021. № 4 (7). С. 57–74.
29. *Медоваров М. В.* Геополитические воззрения Освальда Шпенглера // Тетради по консерватизму. 2020. № 4. С. 91–98.
30. *Медоваров М. В.* Место евразийских статей Л. П. Карсавина в его творческом наследии // Русско-Византийский вестник. 2023. № 2 (13). С. 127–153.
31. *Медоваров М. В.* Статья Клавдии Флоровской «Леонтьев как предшественник евразийства» // Русско-Византийский вестник. 2021. № 4 (7). С. 137–152.
32. *Мухачев Ю. В.* Лубянка против евразийцев // Евразийство. Исследования и публикации. М.: Парад, 2014. С. 530–551. (Энциклопедия российской эмиграции).
33. *Никитин В. П.* Библиография // Евразийская хроника. Вып. 5. Париж, 1926. С. 62–63.
34. *Пащенко В. Я.* Социальная философия евразийства. М.: Альфа-М, 2003. 367 с.
35. *Письма В. П. Никитина Г. В. Вернадскому* // Диаспора: новые материалы. Вып. 1. Париж — СПб.: Athenaеum-Феникс, 2001. С. 611–644.
36. *Письма Г. В. Флоровского 1922–1924 гг.* // История философии. 2002. № 9. С. 154–174.
37. *Письма Н. С. Трубецкого к П. Н. Савицкому* // *Соболев А. В.* О русской философии СПб.: Миръ, 2008.
38. *Письмо Н. И. Ульянова В. П. Никитину от 16 сентября 1956 г.* // *BAR V. P. Nicitin Papers.* Vox.1. Files: Переписка Н. И. Ульянова с В. П. Никитиным. Нью-Йорк, 1956–1957. 1 л. об.
39. *Платонов О. А.* Русская цивилизация. URL: http://www.rspp.su/articles/belikovy/platon_ruscivil.html (дата обращения: 23.04.2023).
40. *Рубанов Г. И.* [Рец.:] Устрялов Н. В. Итальянский фашизм. Харбин, 1928 // Евразийская хроника. Вып. 10. Париж, 1928. С. 77–79.
41. *Савин Л. В.* Ordo pluriversalis. Возрождение многополярного мироустройства. М.: Кислород, 2020. 592 с.
42. *Савицкий П. Н.* Газета «Евразия» не есть евразийский орган // Мир России — Евразия: Антология. М.: Высш. шк., 1995. С. 304–312.
43. *Савицкий П. Н.* Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. 775 с.
44. *Савицкий П. Н.* Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. 461 с.
45. *Савицкий П. Н.* Подданство идеи // Евразийский временник. Берлин. 1923. Кн. 3. С. 9–17.
46. *Садовский Я. Д.* Оппонентам евразийства (письмо в редакцию) // Евразийский временник. Кн. 3. Берлин, 1923. С. 149–174.
47. *Сеземан В. Э.* [Рец.:] Лосев А. Ф. Философия имени. М., 1927 // Версты. Париж, 1928. Вып. 3. С. 163–172.
48. *Сеземан В. Э.* Рец. на книгу: Лосев А. Ф. Диалектика художественной формы. М., 1927 // Евразия. 1928. 29 декабря. Републикация: София: Альманах. Вып. 3. Евразийство и А. Ф. Лосев: миф и эйдос в русской мысли. Уфа: Уфимское религиозно-философское общество им. А. Ф. Лосева, 2013. С. 269–270.

49. *Серво П.* Структура и целостность. Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. 1920–1930-е гг. М.: Языки славянской культуры, 2002. 360 с.
50. *Степанов Б. Е.* Спор евразийцев о церкви, личности и государстве // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2001–2002 г. М., 2002. С. 74–174.
51. *Таубе М. Ф.* Ложь Запада и творчество Востока по славянофильскому учению. Харьков: тип. журн. «Мирный труд», 1906. 11 с.
52. *Тойнби А. Дж.* Мир и Запад // *Его же.* Цивилизация перед судом истории: Сборник. М.: Айрис-пресс, 2003. С. 435–482.
53. *Трубецкой Н. С.* Европа и человечество. София: Российско-болгарское книгоизд-во, 1920. 82 с.
54. *Трубецкой Н. С.* История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. 798 с.
55. *Трубецкой Н. С.* К проблеме русского самопознания. Париж: Евразийское книгоизд-во, 1927. 94 с.
56. *Трубецкой Н. С.* Письма и заметки Трубецкого. М.: Языки славянской культуры, 2004. XV, 507 с.
57. *Трубецкой Н. С.* Письма к П. П. Сувчинскому. 1921–1928. М.: Русский путь, 2008. 382 с.
58. *Флоровский Г. В.* Из прошлого русского мысли. М.: Аграф, 1998. 432 с.
59. *Франк С. Л.* Биография П. Б. Струве. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. 237 с.
60. *Хондзинский П., прот. Костромин К., прот., Легеев М., свящ., Иванов И., свящ., Оболевич Т. С., Маркидонов А. В., Фатеев В. А., Гаврилов И. Б., Медоваров М. В., Тесля А. А.* Наследие прот. Георгия Флоровского (1893–1979): pro et contra. Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет» к 40-летию кончины выдающегося православного мыслителя // Русско-Византийский вестник. 2021. № 1 (4). С. 156–175.
61. *Хондзинский П., прот., Павлюченков Н. Н., Медоваров М. В., Гаврилов И. Б.* Религиозно-философское наследие священника Павла Флоренского (1882–1937): pro et contra. Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет». К 140-летию со дня рождения и 85-летию со дня трагической кончины выдающегося русского мыслителя // Русско-Византийский вестник. 2023. № 1 (12). С. 24–50.
62. *Хоружий С. С.* Богословие в рассеянии: философия и панорама процесса // Русское зарубежье. 2011. № 1. С. 54–96.
63. *Шмурло Е. Ф.* Курс русской истории: В 3 т. Прага: [б. и.], 1931–1934.
64. *Шмурло Е. Ф.* Курс русской истории: В 4 т. СПб.: Алетейя, 1999.